

Не в гамет,
как птг-кад

24

232

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Дозволено Цензурой, Москва, 2 Юня 1879 г.

24.
232.

к

Отъ издателя.

Издаваемые теперь лекціи покойнаго профессора Виктора Ивановича Григоровича читаны были имъ студентамъ четвертаго курса Новороссійскаго университета въ 186⁸/₉ академическомъ году. Почти всѣ лекціи записаны были мною, и только три—четыре моими товарищами—Мальцевымъ и Виноградовымъ. Настоящее изданіе не есть дословная записъ того, что говорилъ покойный; оно представляетъ развѣ половину, а пожалуй и треть, изъ сказаннаго въ аудиторіи. Покойный лекцій не записывалъ и даже не выдавалъ во время чтеній конспектовъ, а говорилъ онъ очень скоро, такъ что и стенографъ едва ли могъ записывать все. Намъ, обыкновеннымъ записывателямъ, давало возможность схватить суть лекцій обыкновеніе покойнаго часто вставлятъ въ рѣчь слова: „именно, именно“.

Не смотря на недословность записи, лекціи рисуютъ покойнаго профессора нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ онъ извѣстенъ по печатнымъ его трудамъ. Викторъ Ивановичъ былъ слишкомъ остороженъ, когда писалъ или говорилъ для печати; иногда онъ свои сужденія и мнѣнія выражалъ такъ что ихъ можно было толковать и въ ту, и въ другую сторону. Эта осторожность и какъ бы боязнь возбудить о себѣ толки и были, кажется, главною причиною, почему онъ напечаталъ такъ мало сравнительно съ тѣмъ громаднѣйшимъ богатствомъ знаній, какимъ онъ дѣйствительно владѣлъ. Когда я представилъ ему копію съ его

лекцій по славянскимъ древностямъ, тоже записанныхъ на половину, и выразилъ пожеланіе, чтобы онъ напечаталъ ихъ, В. Ив. находилъ это возможнымъ, но только подъ условіемъ сокращенія записокъ не менѣе, какъ на половину. Искренно любя своихъ слушателей и во всемъ довѣряясь имъ, В. Ив. на лекціяхъ говорилъ отъ души, безъ всякой утайки или недомолвки, самъ увлекался читаемымъ предметомъ и увлекалъ насъ, своихъ слушателей, иногда до того, что рука отказывалась записывать.

Настоящія лекціи В. И. Григоровича неизлишни въ печати и при такомъ обширномъ трудѣ по тому же предмету, каковъ трудъ Пыпина. Онѣ представляютъ обзоръ славянскихъ литературъ съ иной точки зрѣнія и съ нѣскольکو инымъ освѣщеніемъ фактовъ, чѣмъ у Пыпина; онѣ послужатъ для характеристики научной и профессорской дѣятельности симпатичнѣйшаго изъ первыхъ нашихъ знаменитыхъ славистовъ; наконецъ, онѣ пополняютъ собою первый на русскомъ языкѣ опытъ обзорнѣя славянскихъ литературъ, опытъ сдѣланный тѣмъ же Григоровичемъ, но только уже давно (1841 и 43 гг.) и притомъ въ иномъ порядкѣ изложенія — по эпохамъ, а не по племенамъ, какъ въ настоящемъ.

Когда моя рукопись готовилась къ печатанію, оказались въ ней сомнительныя мѣста, которыя не могли быть провѣрены и по лучшимъ библиографическимъ указателямъ; не смотря на это они введены въ печатный текстъ съ вопросительнымъ знакомъ и могутъ быть разъяснены, при знакомствѣ съ библиотекой покойнаго. За разрѣшеніе нѣкоторыхъ сомнѣній приношу благодарность А. Ал. Кочубинскому.

Одесса
27 Марта
1879 года.

А. Смирновъ.

ОБЗОРЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

I. Введеніе.

Вступительная лекція.

Въ первомъ курсѣ мы познакомились съ славянскими народами со стороны ихъ языка. Мы старались изучать тогда славянскія нарѣчія путемъ „аналогіи“. Взавши за нормальную единицу „языкъ церковно-славянскій“, мы пытались искать въ немъ „типъ“ славянскихъ нарѣчій и внимательно прослѣдили, на сколько этотъ типъ въ нихъ просвѣчивается. Мы видѣли, что славянскія нарѣчія дѣйствительно болѣе или менѣе приближаются къ этому типу и носятъ его въ себѣ.

Цѣлью втораго курса нашихъ занятій было спеціальное изученіе церковно-славянскаго языка, съ тою цѣлью, чтобы доказать его индо-германское происхожденіе. И это удалось намъ: оказалось, что славянскій языкъ принадлежитъ къ семьѣ общей съ языками Кельтскимъ, Романскимъ и Германскимъ.

Въ третьемъ курсѣ, мы отыскали мѣстность, занятую славянами, и характерныя черты ихъ быта. Больше всего мы остановились здѣсь на общинѣ, какъ на главной сторонѣ славянской націи. И здѣсь намъ удалось отыскать въ религіозныхъ, политическихъ, семейныхъ и другихъ воззрѣніяхъ Славянъ ихъ оригинальность и самостоятельность, хотя и задержанныя въ своемъ развитіи, но все же время отъ времени дававшія и особенно нынѣ дающія себя почувствовать (идея о панславизмѣ, даже политическомъ.)

Теперь въ 4-мъ курсѣ намъ предстоитъ познакомиться съ литературой Славянъ и тѣмъ довершить наши познанія объ области нашей специальности.

Исторія литературы известнаго народа есть, кратко говоря, исторія движенія его мысли. Всякое движеніе (въ органической области) предполагаетъ прогрессъ. Есть прогрессъ въ движеніи языка, онъ же есть и въ движеніи мысли. Этотъ прогрессъ исходитъ изъ двухъ источниковъ. Мысль прогрессивно развивается или изъ самой себя, или изъ посредственнаго и непосредственнаго отношенія, правильнѣе изъ столкновенія съ вышними данными. Отсюда задача наша — отыскать, что въ славянской литературѣ есть своего, національнаго, что въ ней возникло изъ основныхъ условій нашего быта и что въ нее пришло извнѣ, что въ ней, такъ сказать, наноснаго, по закону общесторического движенія. Когда мы отдѣлимъ и разграничимъ эти два элемента, тогда наша цѣль будетъ достигнута. Мы скажемъ: у насъ была и есть своя національная литература, независимо отъ классической и западно-европейской. Разумѣется, это не легко, но и, въ пику западникамъ, не невозможно. Тамъ, гдѣ своеобразное, свободное проявленіе мысли подавлялось, тамъ слѣдить за ея движеніемъ нужно глазомъ, вооруженнымъ даже такими повидимому ничтожными средствами, каковы — лоскутокъ пергамента, уцѣлѣвшаго на чердакѣ афонскаго монастыря, надпись на церковной утвари, камень и т. п. При всей, однакожъ, кропотливой работѣ надъ подобными средствами, мы достигнемъ результатовъ очень важныхъ. Мы докажемъ не только нигдѣ не подавленную живучесть славянской мысли, но и непрерывность ея движенія. Сравнительная медленность этого движенія зависѣла вмѣстѣ съ другими причинами отъ громадности славянской территоріи, мѣшавшей быстрому и взаимному обмѣну мыслей племенъ, живущихъ на ней. Но взаимность эта все-таки была. О ней-то и вспомнилъ настоящий панславизмъ. Мы не говоримъ

здѣсь о политическомъ единствѣ Славянъ, котораго прежде не было и съ которымъ теперь мы начинаемъ только знакомиться. Да это и не наша область. Мы знаемъ только, что Славяне въ своей литературѣ положили свою печать на каждую эпоху. Поэтому-то въ настоящее время изученіе памятниковъ ея съ каждымъ годомъ получаетъ надлежащую цѣну.

Группировать нашъ предметъ можно или по народамъ, или принимая въ соображеніе общій ходъ развитія литературы славянскихъ народовъ. Въ послѣднемъ случаѣ можно изучать литературу по эпохамъ и столѣтіямъ; въ первомъ же можно говорить — о литературѣ южныхъ славянъ (Болгарь, Сербовъ, Хорутанъ) и о литературѣ западныхъ (Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ).

Пособія.

Общія сочиненія по нашему предмету.

Первый, сознавшій родство и связь между Славянами, былъ чехъ, нѣкто Вальбинусъ (1660). Негодуя на Іезуитовъ, хотѣвшихъ истребить до основанія чешскую литературу, онъ тайкомъ написалъ „Dissertatio apologetica pro lingua slavica.“ Въ немъ между прочимъ авторъ пытается сдѣлать указаніе и на отношеніе Славянъ къ Германцамъ и другимъ народамъ. Въ продолженіе XVIII вѣка та же мысль подвинулась впередъ, но, кромѣ каталоговъ и частныхъ замѣтокъ, не вызвала ни одного цѣльнаго сочиненія, такъ что въ XVIII вѣкѣ ни одинъ народъ не имѣлъ у себя исторіи славянской литературы. Но въ началѣ XIX в. появился въ той же Чехіи новый ученый — Добровскій. Онъ много путешествовалъ, между прочимъ и по Россіи. Въ 1808 году онъ сталъ издавать журналъ: „Slovanca“.

Въ XIX же столѣтіи стали возникать у cadaго народа свои исторіи литературы. Такъ въ 1826 году Шафарикъ написалъ свою Исторію славянскаго языка и

литературы (на нѣмецкомъ языкѣ), въ которомъ сначала въ видѣ предисловія трактуеть о происхожденіи Славянъ, ихъ просвѣщеніи, политическомъ устройствѣ и вездѣ старается отыскать самостоятельность ихъ характера. Это капитальное сочиненіе вызвало у другихъ народовъ подражаніе; явились компиляціи съ него: у нѣмцевъ его компилировалъ Е. V. D., у Англичанъ въ его духѣ писала Тальви (мадамъ Робинзонъ), у Французовъ Эйгофъ.

Съ теченіемъ времени стали обнаруживаться стремленія обобщить исторію славянской литературы, провести въ ней взглядъ (такая попытка между другими принадлежитъ В. И. Григоровичу). Въ 1839 году Мацеёвскій издалъ „Обозрѣніе памятниковъ славянской литературы“; онъ тоже касается исторіи славянской литературы и въ другомъ своемъ сочиненіи: „Исторія славянскихъ законодательствъ.“

Лучшее сочиненіе послѣ Шафарика вышло у насъ: это—Исторія славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича. Трудъ капитальный и самостоятельный, если вычеркнуть предвзятія идеи, изъ которыхъ выходятъ они на поприще осмѣянія не понятого ими славянскаго патріотизма. Пыпинъ, зажмуривши глаза, не хочетъ видѣть въ славянской культурѣ не только никакого движенія, но и никакой оригинальности, самостоятельности въ характерѣ. Отсюда выходятъ его насмѣшки надъ „кваснымъ патріотизмомъ Славянъ“. На это нужно сказать правду, что у насъ дѣйствительно есть „славянофилы“. Это тѣ вельможи—меценаты, которые хотятъ кому-то покровительствовать славянофильскія тенденціи. Но какое намъ до нихъ дѣло? Пусть они въ своей празности славянофильствуютъ, мы ихъ не знаемъ. Мы знаемъ только, что Славяне, какъ и западные народы, имѣютъ свою фізіономію и по временамъ, а въ особенности въ послѣднее время, показываютъ ее міру. Столь же несправедливы и другіе попреки Пыпина въ такъ называемомъ „панславизмѣ“ Патетическихъ стремле-

ній къ панславизму у насъ нѣтъ: въ этомъ ругается недавно возникшая газета „Русско-Славянскіе отголоски,“ которая, по справедливости, смотритъ на подобную идею, какъ на горгону (страшилище).

Но, не заходя далеко, почему бы намъ, Славянамъ, не имѣть между собою нравственнаго общенія? Почему намъ не стремиться къ такой взаимности, которая указывала бы хоть напр. на взаимные наши недостатки? Надъ подобными стремленіями смѣяться нельзя. Можетъ быть, поближе другъ съ другомъ познакомившись, узнавши въ себѣ старыхъ знакомыхъ, а пожалуй и родныхъ, можетъ быть, мы составимъ изъ себя конфедерацію, но это уже не дѣло литературы... Наше дѣло слѣдить за тѣмъ, что было, а не что будетъ. При всемъ томъ книга Пыпина волюнѣ можетъ быть контролемъ при занятіяхъ славянскими литературами. Но самое лучшее средство къ изученію славянской литературы есть непосредственное знакомство съ памятниками. Чтеніе ихъ само собою натолкнетъ читателя на такія, а не другіе взгляды и отношенія къ судьбамъ и характеру славянской народности.

За основу жизни Славянъ и отраженія ея литературы нужно принять христіанство, у однихъ—въ формѣ богослуженія своего, славянскаго, а у другихъ—въ формѣ чужаго, латинскаго. Взаимная борьба между двумя церквями (Римскою и Византійскою) дала исповѣдующимъ то или другое христіанство Славянамъ, такъ сказать, не одинаковую закваску: повела западныхъ Славянъ въ одну сторону, а восточныхъ въ другую. Но странно: судьба въ концѣ концовъ опять сводитъ другъ съ другомъ эти народы. Чтѣ же это значитъ? Не есть ли это доказательство живучести Славянской взаимности? Не есть ли это доказательство закона, по которому части организма, не смотря на задерживающія ихъ ростъ вліянія, все-таки достигаютъ этого роста, той гармоніи, которая лежитъ въ основѣ всего органическаго? Выходя изъ этой основы, можно

разграничить ходъ Славянской литературы на слѣдующіе шесть періодовъ или отдѣловъ.

1) Отъ IX ст. т. е. отъ введенія христіанства и распространенія Славянскаго богослуженія, до половины XI ст., когда Славяне раздѣлились на Славянъ западнаго и восточнаго исповѣданія.

2) Отъ половины XI до начала XV т. е. до появленія Гуса у Западныхъ Славянъ и первыхъ споровъ католицизма съ православіемъ, выраженнымъ въ литературѣ.

3) Отъ начала XV до 1620 г. у Западныхъ Славянъ, т. е. до возобладанія іезуитизма, и 1634 г., т. е. до основанія Кіевской Академіи, съ которой началась у Восточныхъ Славянъ схоластическая ученость, имѣвшая вліяніе не только на Русскихъ, но и на Сербовъ — время религиозной борьбы.

4) Съ 1634 г. до половины XVIII ст., т. е. до появленія Ломоносова, Конарскаго, Крамеріуса, Обрадовича и др., — время застоя у Западныхъ Славянъ и какой-то тупой привязанности къ буквѣ у насъ.

5) Отъ появленія великихъ двигателей славянскаго слова до появленія романтизма — вѣкъ всеобщаго пробужденія умовъ.

6) Нашъ вѣкъ — вѣкъ національнаго сознанія. Исторія Славянскаго богослуженія, какъ литературное явленіе, еще далеко не изслѣдована. Въ 9—10 столѣтіи (цвѣтущая пора болгарской литературы) возникаетъ огромный запасъ знаній и преимущественно переводный. Самые эти переводы важны не только по отношенію къ языку, но и по отношенію къ историческимъ явленіямъ: они знакомятъ насъ съ устройствомъ государственной жизни тогдашней Болгаріи, указываютъ на отношенія ея къ сосѣдямъ, — въ нихъ чрезвычайное обиліе и разнообразіе свѣдѣній. Собираніе историческихъ памятниковъ, при томъ интересѣ, который пробудился въ настоящее время, очень важно. Самымъ замѣчательнымъ собирателемъ, доставившимъ не толь-

ко матеріалы, но и свои комментаріи, былъ Калайдовичъ: онъ напечаталъ отрывки изъ трудовъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, Сказаніе монаха Храбра. Калайдовичу посчастливилось открыть рукопись Кирилла Туровскаго (1826 г. изд.)

Вообще Калайдовичъ издавалъ памятники палеографически, съ прибавленіемъ своихъ замѣчаній, какія были только возможны, подъ какимъ бы ни было предлогомъ, хотя критика придиралась, указывая слабыя стороны въ его изданіяхъ. Послѣ Калайдовича издавалъ библиографическія извѣстія Шафарикъ: замѣчательны въ этомъ отношеніи обзорныя слав. рукописей, найденныхъ имъ въ Славоніи.

Въ 1834 г. Строевъ собралъ много матеріаловъ; но они относятся болѣе къ исторіи русской литературы. Важны изслѣдованія и замѣчанія Востокова. Наконецъ въ 1855 г. стали описывать синодальныя рукописи (въ трехъ томахъ, второй томъ самый важный и самый лучшій источникъ для древней литературы).

По исторіи Болгарской литературы.

У Болгаръ еще и въ настоящее время мало обращаютъ вниманія на изученіе древней литературы, а нѣсколько лѣтъ назадъ — былъ положительный застой, даже пренебреженіе къ своимъ памятникамъ, кромѣ двухъ, — трехъ личностей, которыя понимали значеніе разработки памятниковъ: между тѣмъ у нихъ, кромѣ церковныхъ книгъ, есть и другія произведенія съ направленіемъ чисто народнымъ. Знаменитый русскій ученый Венелинъ во время своего путешествія по Болгаріи въ 29—30 гг., подбиралъ встрѣчающіяся данныя — историческія и указывалъ ихъ отношеніе къ Россіи. Въ своемъ трудѣ онъ дѣлалъ разныя замѣчанія и указывалъ то, что существенно въ болгарской литературѣ. Этотъ трудъ далъ толчокъ дальнѣйшей разработкѣ исторіи литературы: началось изслѣдованіе историче-

скихъ памятниковъ, разработка матеріаловъ, хотя подобное направленіе не сознано вполнѣ по своей важности, и Болгары далеко уступаютъ въ этомъ отношеніи другимъ народностямъ славянскимъ. Въ 40-хъ г. изданы были Венелинымъ Влахо-болгарскія грамоты съ историческими замѣчаніями и филологическими объясненіями, не много раньше появилась книжка о зародышѣ новой болгарской литературы. Въ дополненіе труда Венелина много сдѣлалъ Срезневскій: съ 35 по 46 годъ онъ писалъ о болгарской литературѣ. Но все таки критики сочиненій не достаетъ, а сами болгары не знаютъ — какое направленіе имъ нужно въ литературѣ.

Они не имѣли ничего самостоятельнаго въ изслѣдованіи древнихъ памятниковъ, за нихъ трудились другіе. Правда, у нихъ было что-то похожее на споръ: одни, напр., защищаютъ членъ въ болгарскомъ языкѣ, другіе отвергаютъ; но здоровой критики у нихъ не было, а потому и споры ихъ ничтожны. Въ 41 году Одесскимъ купцомъ Априловымъ издано было болѣе дѣльное сочиненіе — „Денница ново-болгарскаго образованія, какъ матеріалъ для литературы. Теперь издаются „Книжицы“ гдѣ, перепечатываются старыя памятники, но болѣею частью по изслѣдованіямъ русскихъ ученыхъ. Казалось, для народа, уже начинающаго сознавать свою самостоятельность, нужно было бы издавать самыя популярныя книги, а между тѣмъ ихъ-то и нѣтъ въ Болгаріи. Передовыя личности во главѣ народнаго сознанія и народнаго образованія мало заботятся объ этомъ.

У Болгаръ скорѣе можно встрѣтить сочиненія русскихъ, чѣмъ свои собственныя, напр. „Дворянскіе выборы“ Квитки и произведенія Котляревскаго. Видно, что у нихъ нѣтъ точки споры, но есть надежда, что съ развитіемъ образованности они поймутъ, что для нихъ важно. У нихъ нѣтъ указаній, что для нихъ важно по отношенію къ быту, и на чемъ они могутъ опираться въ дальнѣйшемъ дви-

женіи, а подобное сочиненіе было бы важнымъ и популярнымъ; нѣтъ у нихъ непосредственной связи литературы съ народомъ: въ передовыхъ статьяхъ усвоенъ европейскій взглядъ, а того, что называется народностью, нѣтъ.

По исторіи литературы у Сербовъ и Хорутанъ.

У Сербовъ и Хорутанъ началось развитіе литературы къ концу XVIII в. И у нихъ были споры относительно языка, какъ это на буди теперь у Болгаръ; но потребность необходимыхъ знаній и элементарныхъ началъ чувствовалась гораздо живѣе; они въ настоящее время знаютъ, чего имъ держаться; въ Болгаріи же на оборотъ: литература почти разбѣднена съ народомъ. Сербы и Хорутане имѣютъ разныя матеріалы для исторической литературы. У Сербовъ собраны историческія данныя и необходимыя для развитія народности біографическія свѣдѣнія о знаменитыхъ личностяхъ, разныя грамоты и т. д. У Хорватовъ Миклоушичъ своими календарями сообщалъ разныя полезныя свѣдѣнія. Въ 30-хъ годахъ у нихъ началась біографическая дѣятельность для пользы народа, потомъ появились цѣлыя книжки о великихъ мужахъ. Шафарикъ въ обзорѣ южно-славянской литературы въ первый разъ указалъ Сербамъ, Хорватамъ и Хорутанамъ, какого направленія они должны держаться въ развитіи литературы и преимущественно въ языкѣ. Южные Славяне не остановились на біографическихъ свѣдѣніяхъ: съ размноженіемъ историческихъ фактовъ, съ обогащеніемъ разными свѣдѣніями, явилась потребность критики, отъ споровъ объ языкѣ перешли къ другимъ вопросамъ, мало по малу составились цѣлыя системы съ научнымъ тактомъ и съ направленіемъ народнымъ. Явились писатели, сначала съ статьями, похожими на статьи нашихъ альманаховъ, это были Ристичъ и Субботичъ, Любичъ, Даничичъ, Николаевичъ. Образовались литературныя кружки и дали движеніе современной сербской

литературѣ. Съ возникновеніемъ литературныхъ кружковъ выяснилась мало по малу и задача литературнаго движенія; явились изслѣдованія, критика приняла болѣе правильное направленіе. Въ числѣ изслѣдователей особенно замѣчательнъ — Юрій Даничичъ въ Югославянской Академіи. Онъ издалъ С л о в а р ь стараго сербскаго языка (Рѣчникъ изъ книжныхъ старина-Србскихъ. Београд. 3 т. 1863 года), затѣмъ „грамматику сербскаго языка“. Безъ этихъ пособій нельзя обойтись при изученіи сербскаго языка и литературы, тѣмъ болѣе, что Даничичъ внесъ въ свой Словарь слова изъ всѣхъ сколько-нибудь извѣстныхъ сербскихъ письменныхъ памятниковъ; догадокъ и предположеній онъ не дѣлаетъ, а объясняетъ значеніе словъ изъ самаго памятника, изъ котораго заимствовалъ. Изданіе сербскихъ памятниковъ Даничичъ началъ въ 1860 году, и напечаталъ прежде всего „Живот светога Саве“ по бѣлградской рукописи XV в., написанной ученикомъ святаго, іеромонахомъ Хиландарскаго монастыря Дометіаномъ, жившимъ въ XIII в.; въ 1865 году Даничичъ издалъ „Живот светога Симеона и светога Савве“ по рукописи XII в., хранящейся въ Вѣнской публичной библиотекѣ.

Со времени Даничича началась разработка языка, возникли споры, принялись основательно изучать народный и далматинскій языкъ, чтобы при посредствѣ этого выразить, выяснить правильное пониманіе языка и формулировать извѣстные правила. За Даничичемъ можно упомянуть и объ Антонѣ Качичѣ — лужичанинѣ, хорошо знавшемъ далматинскій языкъ; онъ издавалъ также произведенія старой далматинской литературы. Болѣе дѣятельнымъ на поприщѣ не только литературномъ, но и политическомъ былъ —

Иванъ Кукулевичъ Сакцинскій (род. 1816 г.) Въ 1843 году на хорватскомъ сеймѣ онъ предложилъ, чтобы языкъ народный былъ господствующимъ вмѣсто латинскаго, но его предложеніе не принято. Стараніями Кукулевича въ 1850 г. было основано „Общество югославянской исторіи

и древностей.“ Кукулевичъ редактировалъ издаваемый этимъ обществомъ „Архивъ“ весьма важный для исторіи югославянской, приобрѣлъ замѣчательнѣйшую библиотечку: въ ней имѣется болѣе 1000 рукописей, до 12,000 книгъ и нѣсколько тысячъ грамотъ. Рукописи въ этой библиотекѣ относятся къ XII в., древнѣйшія грамоты къ X в. Кукулевичъ собиралъ въ теченіе 30 лѣтъ все, что было возможно о прошлой и настоящей жизни южныхъ Славянъ.

Имя аббата Симеона Любича стало извѣстно съ 60-хъ годовъ, когда онъ издалъ замѣчательный „В і о г р а ф и ч е с к і й с л о в а р ь знаменитыхъ далматинцевъ.“ Во время пребыванія своего въ Венеціи онъ воспользовался архивными матеріалами и издалъ въ 1864 году „Зерцало литературной исторіи югославянской“ (Огледало книжевне повѣсти югославянске на получаванје младежі); литература изложена въ этомъ трудѣ поверхностно. Мы дѣлаемъ только краткія указанія на развитіе литературнаго движенія и на личности, стоявшія во главѣ этого движенія, мы еще будемъ говорить о нихъ подробно.

Сербы мало участвовали въ этомъ движеніи, за нихъ дѣйствовали Далматинцы. Специальныхъ изслѣдованій мало. Очень важно сочиненіе по исторіи литературы Ягича: въ немъ онъ старался прослѣдить исторію быта вмѣстѣ съ развитіемъ языка. Дѣятельность далматинскихъ ученыхъ была полезна не для Славянъ, но для другихъ народовъ.

По чешской литературѣ.

Чешская исторія лишена была самостоятельности; побѣжденные, Чехи вынуждены были принять католицизмъ. Іезуиты, по повелѣнію папы Урбана VIII-го, занялись уничтоженіемъ всего, что было писано на славянскомъ языкѣ, чтобы такимъ образомъ содѣйствовать успѣшнѣйшему развитію католицизма. Въ началѣ XVIII столѣтія одинъ изъ іезуитовъ, Каньяшъ, хвалился, что онъ истребилъ 60 ты-

сячь книгъ; фанатизмъ Іезуитовъ доходилъ до того, что они истребляли чешскія книги по старой привычкѣ и не обращали вниманія на ихъ содержаніе. Въ царствованіе Іосифа II начала пробуждаться чешская національность. Съ цѣлью отмѣнить Чеховъ, въ школахъ введенъ былъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкое образованіе вмѣсто латинскаго, а это дало толчокъ національному сознанию: впрочемъ движеніе чешской литературы начиналось еще гораздо раньше независимо отъ распоряженія австрійскаго правительства. Еще въ XVII стол. были личности, которыя изучали чешскую исторію изъ одного историческаго побужденія, напр. Бальбинъ, который занимался изслѣдованіемъ чешской старины, и который съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, какъ Іезуиты уничтожали памятники чешскіе. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, благодаря просвѣтительнымъ и гуманнымъ идеямъ энциклопедистовъ, научно историческій интересъ усилился, стали заниматься разработкою памятниковъ. Таковы были труды Добнера, Фойгта и, особенно, Добровскаго. Какъ попытки—ихъ труды далеко не были удовлетворительны и мало способствовали къ развитію національнаго чувства, народныхъ стремленій; но они дали толчокъ новому движенію, пробудили сознаніе у чешскаго народа, угнетеннаго католичествомъ съ одной стороны и германизаціей съ другой. Историческія воспоминанія, вызванныя упомянутыми личностями возбудили интересъ въ людяхъ, горячо принявшихъ къ сердцу дѣло народнаго образованія. Іосифъ Добровскій, любитель стараго, изслѣдовалъ много старыхъ памятниковъ и своими историческими и филологическими изслѣдованіями, въ которыхъ онъ обнаружилъ критическій талантъ, обратилъ вниманіе другихъ на славянскую старину и первый указалъ на тѣсную родственную связь славянскихъ племенъ и нарѣчій. Труды Добровскаго чрезвычайно важны, такъ какъ они обнимаютъ и исторію славянъ вообще, и филологическую сторону (Entwurf zu einem allgemeinen Etymologicon der slav. Sprachen. 1813 г. и

Institutiones linguae Slavicae veteris dialecti, 1822).

Изслѣдованіе старины привело къ результатамъ неожиданнымъ. Въ 1817 году Ганка, одинъ изъ усердныхъ труженниковъ въ новомъ движеніи и жаркій патріотъ, открылъ Краледворскую рукопись, которая оказала свое вліяніе на развитіе національнаго чувства. Перепечатаны были нѣкоторыя произведенія старо-чешской литературы: Хроника Далимила, Лабиринтъ свѣта Коменскаго, приключенія Вратислава изъ Митровиць и пр. Образовался цѣлый кружокъ приверженцевъ національности, стремившихся къ образованію чешской литературы. Кромеріусъ (1808 г.) издавалъ памятники самымъ строгимъ образомъ и оставилъ много біографическихъ свѣдѣній. Юнгманъ въ 1825 г., издалъ исторію чешской литературы (второе изд. 1848 г.), къ которой онъ приложилъ маленькія біографіи, раздѣливъ чешскую литературу на періоды, показалъ, съ какого времени началось просвѣщеніе у Чеховъ, показалъ отношеніе Чешскаго языка къ другимъ языкамъ и прослѣдилъ развитіе самаго языка. Но самый замѣчательный трудъ Юнгмана — Чешскій словарь.

Исторія литературы Юнгмана при всемъ богатствѣ матеріаловъ, которые вошли въ нее, не можетъ считаться удовлетворительною: нѣтъ систематичности въ группировкѣ фактовъ, нѣтъ историческаго указанія на ходъ умственнаго развитія и на самыя событія. Впрочемъ, трудно было прослѣдить систематически умственное движеніе въ Чехіи, — внѣшнія обстоятельства не благоприятствовали народному образованію и вообще умственной самобитной дѣятельности до послѣднихъ годовъ XVIII в. Заслуга Палацкаго состоитъ въ томъ, что онъ систематизировалъ ходъ историческихъ событій. Замѣчательны изслѣдованія его въ этомъ отношеніи о древней Чешской исторіографіи, издан. въ 1830 г. Съ этого времени началась оцѣнка историческихъ памятниковъ, разборъ литературы въ связи съ народнымъ развитіемъ. Въ позднѣйшее время являются въ Чехіи и

прагматическія изданія. Таково сочиненіе „Dějepis literatury české,“ 9 выпускѣвъ, Прага 1860—64, Карла Сабини (род. 1819). Онъ довелъ свой обзоръ до начала XVII в. Хотя самъ Сабина сознается, что онъ взялся за дѣло безъ большой подготовки, однако до XIV в. онъ прекрасно обозрѣлъ памятники литературы въ связи съ историческими фактами. „Доселѣ, прекрасно говорить онъ, мы занимались только библиографіей; исторіи литературы въ связи съ жизнію у насъ нѣтъ, а между тѣмъ если исторія есть школа жизни, исторія литературы есть наставница этой школы“. При всемъ томъ, дѣйствительно, въ Сабинѣ иногда не достааетъ научности. Рядомъ съ нимъ можетъ стоять въ Чешской литературѣ Алоисъ Шембера, профессоръ литературы и исторіи Чешской въ Вѣнѣ. Его сочиненія: „Dějiny řeči literatury československé“. Věk starší, Вѣна 1858 г. 2 — 1859 г. Věk novější, Вѣна 1861 г. (вып. I). Онъ говоритъ, что собственно чешская литература еще не начата, что теперь можно писать развѣ исторію языка и народности чешской. Но здѣсь, подобно Мацеевскому, онъ заходитъ далеко, увлекается; такъ напр. онъ находитъ памятники чешской поэзіи еще въ VI в., кромѣ того видитъ славянское тамъ, гдѣ его или вовсе нѣтъ, или оно германизировалось.

Есть и еще у Чеховъ сочиненія прагматическія. Въ 1863 г. вышла книжка „Чехи, земля и народъ“ (Čechy, země a národ) — Ригера, который изложилъ въ ней прагматически исторію языка и жизни чешской. Кстати здѣсь припомнимъ, что еще въ XIV в. между профессорами пражскаго университета, единственнаго въ средней исторіи, былъ нѣкто Тома Штитный, рыцарный приверженецъ чешской народности, представитель платоническаго направленія, ратовавшій противъ господствовавшей въ то время католико-аристотелевской партіи (Пригоровичъ сравниваетъ его съ болгаринѣмъ Храбромъ, въ сочиненіи о писменахъ, писавшемъ противъ латинцевъ).

таріи. У Чеховъ есть и они. У нихъ есть Ганка (издав. Реймское Евангеліе, глагольскіе отрывки, Далимилову хроникѣ, Краледворскую рукопись, его же Starobylá skladanie v Praze 1817—24, 7 вып.), который вмѣстѣ съ другими штудировалъ памятники. Но особенно много потрудились для этого дѣла Шафарикъ и Палацкій. Труды послѣдняго по общимъ сочиненіямъ: „Dějiny národu českého w Čechach á w Moravě (до конца XV в., Прага 1848—60, 6 т.), по языку и старинѣ „Wurdigung der alten böhm. Geschichtsschreiber, Prag 1830“, Archiv český Pr. 1840—46, 4 т. Časopis českého Museum, изд. съ 1827 г. представляютъ много изслѣдованій о Чешской и древне-славянской литературѣ. Труды Шафарика: Wybor z literatury české т. 1 до XV в.; т. 2 со временъ Гуса изданъ Эрбенѣмъ, 3 вып. 1845—64 г. (при 1 т. Иосифа Шафарика Počatkové staročeské mluvnice 1845 г.). Шафарикъ и Палацкій вмѣстѣ: „Die ältesten Denkmäler,“ etc. Prag 1840 г.

Въ Чешской литературѣ есть и критическій отдѣлъ. Въ особенности живо высказалось критическое направленіе по поводу споровъ о Краледворской и Зеленогорской рукописяхъ. Ганка и вообще чешская партія отстаивали національность заключающихся въ нихъ поэтическихъ отрывковъ. Но явились и оппозиторы этой партіи, разумѣется, нѣмцы. Подъ вліяніемъ ихъ — то и появилась ненавистная Чехамъ книжка Фейфалика, написанная подъ руководствомъ Миклошича съ остроумными возраженіями, что складъ древне-чешской письменности не подходитъ подъ характеръ Краледворской рукописи; говорили также, что сюжеты этой рукописи не чешскіе, а заимствованные, сходные съ памятниками другихъ націй, напр. русской. Противъ этого писалъ Срезневскій, доказывая, что сходство это не заимствованное, а естественное, такъ какъ время эпоса у разныхъ народовъ носитъ одинаковый колоритъ и характеръ.

Съ настоящими современными чешскими критиками

лучше всего ознакомиться изъ повременныхъ изданій, въ особенности же изъ *Časopis Českého Museum* съ 1827 г. издававшегося при такъ называемомъ королевскомъ обществѣ наукъ—Шафарикомъ, Палацкимъ и др. (до 44 г. по 4 книги въ годъ, потомъ по 7, а потомъ по 12). Теперь это изданіе не такъ интересно, но до 60 года это было въ родѣ Записокъ С.-Прб. Академіи Наукъ.

По Польской литературѣ.

Исторія Польской литературы началась, можно сказать, только съ конца прошлаго столѣтія. Были у Поляковъ и прежде литературные дѣятели, но дѣятельность ихъ не заслуживаетъ литературнаго достоинства. Такъ іезуитъ Несецкій (въ 1714 г.) думалъ писать исторію Пол. литературы, а писеть герольдическое сочиненіе, въ которомъ исполняетъ громадную задачу—расположить по гербамъ исторію знаменитыхъ родовъ польскаго шляхетства. Сочиненіе это издано въ Львовѣ (1728—1748 г.) въ 4 огромныхъ томахъ, подъ заглавіемъ: *Kogona Polska*. Уже съ $\frac{1}{2}$ XVIII в. возбуждается и у Поляковъ любовь къ старинѣ и старымъ памятникамъ народной литературы. Это сознаніе за тѣмъ все болѣе и болѣе проясняется. Сначала памятники издавались безъ всякихъ штудій. Первый примѣръ этому подавъ въ 1790 г. книжкой подъ заглавіемъ: *Исторія Краковской Академіи съ примѣчаніями*. Затѣмъ въ началѣ XIX в. въ такомъ же родѣ написана диссертация о старо-польской литературѣ. Двѣ эти книжки (?) сами по себѣ не важны, онѣ состоятъ изъ громкихъ возгласовъ и радостныхъ криковъ о національной литературѣ. Важны же они по тому, что возбуждаютъ любовь къ библиографо-критической разработкѣ памятниковъ; съ усиленіемъ такого направленія являются у Поляковъ страстные скупатели старыхъ книгъ и составители библиотекъ; къ таковымъ относится Іосифъ Андрей Залускій.

Іосифъ Андрей Залускій (дѣятель конца прошлаго

столѣтія), епископъ Кіевскій, былъ страстный библиофилъ. Онъ все свои огромные доходы истрчивалъ на книги, изъ которыхъ составилъ двѣ рѣдкія бібліотеки—одну въ Варшавѣ, другую во Львовѣ. Но это былъ чернорабочій, собиравшій за большіе деньги отовсюду памятники, не обобщая ихъ, даже не различая ихъ по періодамъ. Первую попытку къ обобщенію трудовъ прежнихъ ученыхъ сдѣлалъ въ 1814 г. Бенгковскій.

Больше сдѣлалъ для исторіи Пол. литературы Маврикій Мохнацкій (1804—1834), написавшій въ 1830 г. сочиненіе: „О польской литературѣ въ XIX ст.“. Хотя онъ писалъ его подъ вліяніемъ Шеллинга, однако и то уже важно, что онъ первый, по Мицкевичу, обратилъ вниманіе на народность польскую (впрочемъ, это было пока не больше какъ „зарядъ“ а выстрѣлъ послѣдовалъ послѣ). Гораздо больше остановился надъ польскою національнію Вишневецкій (р. 1794 г.) въ изданномъ имъ въ 1840—45 г. сочиненіи „*Historia literatury polskiej*“; tomow 7. Но ложная точка зрѣнія на дѣло увлекала его до сляшкомъ эксцентричныхъ, утонченныхъ взглядовъ. Задавшись написать исторію польской литературы въ связи съ исторіею европейской цивилизаціи, онъ увлекся и находилъ въ польской жизни и литературѣ то, чего не было, такъ напр. говоря о театрѣ, онъ находитъ его у Поляковъ еще въ XI, даже въ X в., единственно основываясь на томъ, что въ 1010 г. монахиня Гросвита стихи Теренція примѣнила къ польскимъ сюжетамъ и такимъ образомъ будто дала начало польской драмѣ; или, говоря о путешествіяхъ, онъ находитъ Поляковъ въ лицѣ ПIANO Карпини, Марко-Поло и т. п. Изъ этого вышло, что первые два тома его сочиненія—не болѣе какъ *tabula gasa*, на которой отразилась всякая всячина, не выдерживающая никакой критики, томы 3 и 4 исполнены ложною патріотизма. Томы 5 6 и 7 онъ написалъ уже въ Америѣ, въ которыхъ онъ довелъ обзоръ литературы до XVI в.

Вообще должно сказать, что Вишневекій, взявшись писать исторію польской литературы, писалъ исторію европейской культуры, писалъ много, но далъ мало.

Интереснѣе труды скромныхъ ученыхъ, не задававшихся много, а главное не увлекавшихся при написаніи литературы общими датами, а дѣлавшими не торопливые выводы изъ положительныхъ данныхъ. Таковъ былъ учитель Познаньской гимназіи Янъ Поплинскій. Въ 1838 г. онъ написалъ исторію польскаго краснорѣчія, при которой онъ приложилъ образцы Пол. литературы изъ памятниковъ, начиная съ XV в. (что похоже на „Wybor z literatury české“ Шафарика). Сюда же относится трудолюбивый писатель Александръ Вацлавъ Мацеѣвскій (р. 1828 г.). Въ 1850—52 вышло его сочиненіе „Dzieje literatury w Polsce“, 2 тому (некончено). Въ немъ онъ касается всѣхъ Славянъ, въ особенности первобытной ихъ жизни. По убѣжденію панславистъ, онъ находитъ, между прочимъ, что магдебургское право, выродившееся у нѣмцевъ среди Славянъ, которые въ XII в. встрѣчаются повсюду, есть памятникъ чисто славянскій. Въ своей исторіи литературы онъ прослѣдилъ за польской литературой до XVII в. Въ 1-й гл. этого сочиненія онъ сообщаетъ свѣдѣнія о польскомъ языкѣ и отношеніи его къ сѣвернымъ языкамъ — чешскому и русскому (Богородица — дѣвица). Но особенно важны 2 и 3 части этого сочиненія, въ которыхъ Мацеѣвскій указалъ на исторію внутренней борьбы польской національности съ католицизмомъ. Для этой цѣли онъ собралъ остатки памятниковъ, уцѣлѣвшихъ отъ рукъ іезуитовъ, тщательно и систематически истреблявшихъ эти памятники. Вообще, должно сказать, что хотя Сизсовичъ и называетъ Мацеѣвскаго писателемъ хаотическимъ, однако заслуги его неоспоримы. До него литература Поляковъ проникнута была ложно-классическимъ направленіемъ, съ него начинается поворотъ къ литературѣ своей, національной, Польской.

Есть у Поляковъ и общія, прагматическія, связныя представленія о движеніи своей литературы. Разумѣется, эти литературные взгляды, вмѣстѣ съ происхожденіемъ философскихъ школъ, мѣнялись. Такъ подъ вліяніемъ гегелизма, въ 1845 г. нѣкто Дембовскій написалъ „Piśmienictwie polskie“, въ которомъ онъ пытается приложить идеи Гегеля о развитіи по противоположностямъ. Выходя изъ этой идеи, Дембовскій думаетъ, что исторія жизни и литературы польской развились изъ противорѣчія между естественнымъ положеніемъ и христианствомъ. Въ подобномъ же направленіи, подъ вліяніемъ Вишневекаго, въ 1850 г. написалъ исторію польской культуры Шульцъ (впрочемъ исторіямъ литературы со взглядами должно всегда предпочитать исторію литературы со студіями). Далѣе заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣд. два дѣятеля: Людвигъ Кондратовичъ національный поэтъ, по направленію идеалистъ, особенно прославившійся родомъ поэзіи, извѣстнымъ у Поляковъ подъ названіемъ „гавендъ“, т. е. мелкихъ разсказовъ изъ быта бѣдной шляхты и простаго народа. Его можно сравнивать съ нашимъ Некрасовымъ. Кондратовичъ оказалъ польской литературѣ и другую, весьма важную услугу. Его Przekłady, poetów polskokatolińskich przez — Władysława Syrokomlę (псевдонимъ Кондратовича) въ 1850 годахъ стали воскрешать мертвый матеріалъ латынской поэзіи въ Польшѣ; лучшія произведенія этой поэзіи Кондратовичъ переложилъ въ великолѣпные польскіе стихи.

Но предпочтительное предъ всѣми вниманіе слѣдовало бы обращать при изученіи польской литературы на слѣдующіе труды: 1) на труды одного изъ сотрудниковъ ежемѣсячнаго журнала, — „Варшавская бібліотека“, основаннаго въ 1841 г. Владиславомъ Казиміромъ Войцицкимъ. Это частію нашъ Сахаровъ, частію нашъ Буслаевъ. Такъ же, какъ и эти послѣдніе, онъ собиралъ польскія сказки, поговорки, народныя легенды и пѣсни. Въ 1859—60 г. онъ издалъ

сочиненіе подъ заглавіемъ: „Historia literatury polskiej w zagryszach“ 3 тому. Недавно къ нимъ онъ прибавилъ 4 т. Эта исторія чужда всякихъ претензій на поиски въ Польшѣ высокой цивилизаціи. Спокойно, что дали факты, изложилъ онъ въ 1-мъ томѣ своей исторіи литературы народную поэзію, во 2-мъ начатки письменной литературы польскою, въ 3-мъ классическую литературу, гдѣ безпристрастно прослѣдилъ тяжелую борьбу іезуитизма съ націонализмомъ и въ 4-мъ современную литературу. Это почти нашъ Галаховъ. Второй трудъ, которымъ должно пользоваться—это Болеслава Лукашевича „Rys piśmiennictwa polskiego“ 1836 г.

По литературѣ Хорутанъ.

Что сказать о литературѣ Хорутанъ? Весьма не много! Какъ историческая жизнь этого народца почти лишена самостоятельнаго характера, такъ мало развила себя и его литература. Литература Хорутанъ бѣдна, часто и надолго прерывалась, а потому и невозможно представить еѣ въ системѣ; она не имѣетъ даже библиографическаго отдѣла. Красующіяся въ этой литературѣ имена Коцитара и Миклошича не занимаютъ въ ней непосредственнаго мѣста. Правда, что эти два великіе дѣятеля не имѣли долге своего вліянія на новую дѣятельность хорутанскаго народа, потому что все труды ихъ писаны по-нѣмецки и по-латыни, и содержаніе ихъ—отвлеченная филологія и археологія. При всемъ томъ есть у Хорутанъ своя литература. Ея достоиніе—знаменитые фрейзингенскіе отрывки, относимые учеными къ XI, X и даже IX в. Въ эпоху реформации она показала міру Примуса Трубера (1508—86), барона Ивана Унгнада, Себастьяна Креля (1538—68), Юрія Далматина (1582 г.) и др. Все они стояли за убѣжденіе, что и хорутанскій языкъ можетъ быть языкомъ литературнымъ, и подтверждали это самымъ дѣломъ. Но въ 1/2 XVII в. іезуитизмъ побѣдилъ протестантскія стрем-

ленія Хорутанъ и господствовали надъ ними вплоть до всеобщаго пробужденія славянскихъ умовъ. Впрочемъ это пробужденіе у Хорутанъ было слабо: нѣсколько единицъ, въ родѣ народнаго поэта Водника (1738—1819), собирателя народныхъ пѣсень Стайко Врза, Коритко (1839, Slovenske pesnie Krajnskiga narodu), не въ состояніи почти пробудить массу, пробывавшую свое на нѣмецкое.

По литературѣ Лужичанъ.

Еще незначительнѣе литература Лужичанъ, да ея у Лужичанъ до реформации и не было. Крайняя германизация ихъ края почти уничтожила всякую возможность къ возникновенію между ними литературы на національномъ языкѣ, съ стремленіями къ сознанію своего родства съ Славянами. Къ тому же и историческая судьба Лужичанъ была такова, что имъ было не до подобныхъ стремленій: тридцатилѣтняя война, война семилѣтняя, наполеоновскія войны на долго заслоняли то, чему благопріятный толчокъ для націи Лужицкой дало лютеринство. Собственно Лужицкая литература началась уже весьма поздно, не раньше конца XVII в. По стеченію обстоятельствъ, Петру Великому случилось посѣтить Вауценъ (Будшинъ) именно въ то время, когда по крайней мѣрѣ передовые изъ Лужичанъ энергично заговорили о своихъ народныхъ потребностяхъ. До насъ дошло письмо главы этого новаго движенія лужицкой мысли, Михаила Вранцеля, къ Петру Великому (1697), въ которомъ Вранцель съ особеннымъ чувствомъ указываетъ на тѣ связи родства, которыя соединяютъ его народъ съ другими славянскими и обширной Московіей (письмо это и по-лужицки и по-латынѣ напечатано у Срезневскаго). Но въ особенности много потрудился въ интересахъ лужицкой литературы сынъ Михаила Френцеля (нѣмецкая редакція его фамиліи) Авраамъ Вранцель. Отсель-то и начинается эпоха возрожденія этой, терпѣвшею тысячелѣтнее иго, націи. Въ настоящую пору она за-

являетъ уже попытки на литературу независимую. Тѣмъ удивительнѣе эта нація съ своей, можно сказать, на нашихъ глазахъ вспыхнувшей литературой, что дѣятелями такого въ ней переворота были не общества, какъ у Сербовъ, а отдѣльныя личности.

II.

Церковно-славянская Литература.

Съ появленіемъ христіанства, у насъ пробудилось сознание исторической жизни, дѣятельность быстро усилилась въ умственномъ отношеніи, требовалось много труда и энергии, чтобы отстоять восточное православіе отъ усилившагося вліянія католицизма. Поэтому цер.-славянская литература должна занимать важное мѣсто не только въ нашей литературѣ, но и въ европейской вообще. Усиленіе умственной дѣятельности нашей доказывается уже тѣмъ, что у насъ превосходно переведены богослужебныя книги, виденъ разумный взглядъ въ пониманіи значенія переводовъ, виденъ духъ самыхъ памятниковъ. Шафарикъ, занимаясь церковно-болгарской литературой, взвѣсивая и оцѣнивая дѣятельность переводчиковъ, высказываетъ въ своемъ сочиненіи такую мысль: „если гдѣ, то въ болгарской литературѣ церковной почилъ особая благодать Божія“. Можно сожалѣть, что у насъ нѣтъ болгарскихъ народныхъ эпосовъ, нѣтъ былинъ и т. д., по которымъ бы можно было судить о тогдашнемъ умственномъ развитіи въ другомъ направленіи. Самая жизнь народа для насъ остается неразгаданною; объ интересахъ его, объ его стремленіяхъ мы мало знаемъ; но принявъ въ соображеніе напряженную умственную дѣятельность въ религиозномъ отношеніи, мы можемъ заключить приблизительно о степени умственного развитія народа. Пропаганда сильно давила тогдашнее православіе у Болгаръ не только съ запада, но и съ др. сторонъ (появленіе гностическаго ученія). Это послужить для насъ бази-

сомъ при обзорѣ славянскихъ литературъ. Замѣтно, что тогда было стремленіе выразить свою самостоятельность въ дѣлѣ религиозномъ. Религиозный вопросъ былъ научнымъ вопросомъ, на немъ сосредоточена была вся умственная дѣятельность, подобно какъ у насъ теперь вопросъ о народности занимаетъ первое мѣсто въ литературѣ. Въ обзорѣ славянскихъ древностей мы замѣтили, что славяне-язычники чтили одного Бога, хотя суевѣрій у нихъ было много. Можетъ быть, единобожіе Славянъ было и проводникомъ христіанства. Намъ извѣстно также, что еще до IX в. христіанство было принимаемо Славянами спорадно. Оно, такъ сказать, вкладывалось въ опредѣленно сложившійся культъ о единомъ Богѣ. Правда, мы мало имѣемъ историческихъ данныхъ, но все же едва ли кто будетъ сомнѣваться въ этомъ. Какъ бы ни былъ рѣшаемъ споръ онтологистами на западѣ, но, безъ сомнѣнія, сами Греки не съ мечемъ только входили къ намъ, но съ цѣлю развитія богослуженія во имя христіанства. У насъ замѣтны были попытки къ общенію, къ коммуникаціи; а это служитъ уже началомъ къ развитію умственной дѣятельности, началомъ къ возникновенію письменности.

Историческихъ указаній о нашей письменности мало: наши письмена, по указанію черноризца Храбра, состояли въ чертахъ и рѣзахъ. Можетъ быть, эти знаки тождественны съ скандинавскими рунами. Полякъ Ходаковский въ 20-хъ годахъ прошелъ отъ Новгорода до Галиціи; на пути онъ изучилъ вещественные памятники и открылъ много замѣчательныхъ символическихъ знаковъ. Къ различенію подобныхъ знаковъ нужно однако имѣть большую осторожность: въ древнихъ пещерахъ имѣли обычай рисовать вещественные памятники съ разными іероглифами, такъ что на первый разъ можно обмануться, принявъ за руны подобные знаки (въ Аккерманѣ, въ Бессарабіи). Колларъ въ саксонскомъ городѣ Бамбергѣ, принадлежавшемъ Славянамъ, нашелъ руническую надпись, выткнулъ и прочелъ по-сла-

виански: „Чарнобогъ“; въ Штеймаркѣ есть нѣсколько щитовъ съ руническими знаками; въ Валахїи разныя черты на чашѣ: Славянинъ читалъ ихъ по своему, а Грекъ по своему; но теперь они прочтены и отнесены къ рунамъ. Самъ Храбръ уже сомнѣвается, что черты и рѣзы могли долго употребляться—должна была возникнуть своя, самостоятельная письменность. Но какія славянскія племена принимали участіе въ изобрѣтеніи письменности?

Такъ какъ письменность возникла въ эпоху перехода отъ натурализма къ созерцательной дѣятельности, къ умственному движению, то очень трудно доискаться, гдѣ именно она созрѣла, гдѣ впервые возникла мысль о необходимости ея. При ближайшемъ столкновеніи съ Греками на берегахъ Чернаго моря, по всей вѣроятности, должна была возникнуть тамъ и письменность. Ученые, однако, несогласны между собою касательно этого вопроса. Теперь, впрочемъ, установились два мнѣнія: по Востокову и Шафарыку она возникла въ Болгарїи, по Копитару и Миклошичу въ Панноніи (доказательства—сходство древне-панновскаго языка съ цер.-славянскимъ). По отношенію къ глаголитѣ мнѣніе Копитара и Миклошича болѣе правдоподобно, такъ какъ глаголита могла возникнуть въ Истрии, а она населена была Хорутанами. Но Копитаръ доказывалъ, что вообще письменность должна была возникнуть у Славянъ раньше IX в. подъ вліяніемъ запада. Аквилейскій патріархатъ до перехода въ Венецію считался наравнѣ съ папскимъ престоломъ, а въ сосѣдствѣ Аквилей—въ Крайнѣ, въ Горицѣ, въ Триестѣ жили Хорутане.

Мы несогласны съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые приписываютъ начало славянскій письменности съ славянскимъ алфавитомъ Хорутанамъ, и вотъ на основаніи какихъ соображеній: а) Хорутане, издавна находившіеся подъ вліяніемъ запада, не думали и не имѣли надобности думать объ изобрѣтеніи славянскаго алфавита, такъ точно, какъ Славяне южныя могли получить этотъ алфавитъ цѣ-

ликомъ у Грековъ; в) мы знаемъ, что не смотря на существованіе аквилейскаго славянскаго патріархата, Хорутане писали буквами латинскими (фрейз. рук.); г) тѣмъ болѣе намъ кажется невѣроятнымъ такое мнѣніе, что безъ большихъ натяжекъ мы можемъ поставить рядомъ съ нимъ другое мнѣніе, основываясь при этомъ на болѣе прочной почвѣ. Вотъ наше мнѣніе о происхожденіи славянскій письменности.

Начатковъ ея нужно искать въ частности у Болгаръ за Дунаемъ, а вообще въ той мѣстности, которая имѣетъ своими общими границами рѣки: Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ и Бугъ, а еще общѣе—берега Чернаго моря. Жившіе на этой мѣстности наши предки—варвары гораздо слабѣе чувствовали на себѣ подавляющее, ассимилирующее вліяніе Византіи и Рима. И это очень понятно: они были дальше отъ нихъ, чѣмъ остальные ихъ братья по племени; это не значитъ, однакожъ, чтобы жители этой мѣстности были совершенно не причастны латинской и особенно греческой культурѣ. Напротивъ, византійская культура даетъ себя почувствовать этому краю, въ особенности въ странахъ по Дунаю весьма рано. Тамъ еще, при Ап. Павлѣ, была уже филиппійская епархія. Въ III ст. былъ соборъ въ Сардикѣ, неподалеку отъ нихъ же. Христіанство, прививаясь у сосѣдей нашихъ предковъ, волей-неволей пускало отпрыски и заносило сѣмена и на ихъ территорію. Этимъ сѣменамъ, этимъ отпрыскамъ не дали заглухнуть, а, напротивъ, ускорили и укрѣпили ростъ ихъ слѣдующія, весьма крупныя, хотя и не давно замѣченныя историческія обстоятельства.

а) Въ VII в. мѣстность, прилежащая къ Черному морю, удаленная отъ центровъ христіанства—Византіи и Рима, легко отворила двери всепоглощающему тогда исламу, и жителей своихъ болѣе или менѣе познакомила съ культурой семитической. Какъ силенъ былъ здѣсь притонъ исламизма, объ этомъ мы можемъ судить потому, что слѣды его остались даже на Волгѣ (Хозары).

в) Въ VIII в. таже мѣстность сдѣлалась театромъ

другаго, не менѣ важнаго историческаго факта. Мы хотимъ сказать о стараніи Исаврійской династіи уничтожить всякое изображеніе, короче объ иконоборствѣ. Здѣсь въ особенности не нужно забывать того обстоятельства, что идея иконоборческая, оставаясь въ своей метрополіи—Царьградѣ идею, предметомъ только ученыхъ споровъ, въ колоніяхъ малоазійскихъ, а также и въ тѣхъ колоніяхъ греческихъ, которыя были расположены по берегамъ Чернаго моря, идея иконоборческая сдѣлалась предметомъ ожесточенной борьбы. Недавно найдено, что въ древнемъ Херсонесѣ жили ссыльные изъ Византіи за ревностную защиту иконъ и даже писали здѣсь на эту тему; изъ нихъ нѣкоторые являются даже болгарскими просвѣтителями, какъ-то Іосифъ Солунскій.

Итакъ побережье Чернаго моря въ VII и VIII в. оглашено было съ одной стороны исламизмомъ, а съ другой иконоборствомъ, не говоря уже объ издавшемъ знакомствѣ его съ византійскою культурою чрезъ греческую колонизацію въ этомъ краѣ. Все это вмѣстѣ не могло не вліять на туземцевъ—варваровъ, но пробуждало въ нихъ потребность къ искусству и къ важнѣйшему проявленію его—письменности. Въ этомъ-то уголкѣ и нужно искать зарожденія чисто славянской письменности съ особеннымъ, свойственнымъ варварскому языку алфавитомъ. Такимъ образомъ вопросъ объ изобрѣтеніи и изображеніи славянскихъ писемъ изъ области хорутанской и болгарской переносится на нашу почву. И такая попытка удастся. Мы имѣемъ апокрифъ о хожденіи Ап. Андрея въ Херсонесъ, гдѣ онъ основалъ школу, въ которой читали книги, писанныя по андреевскому алфавиту. Можетъ быть, это вымыселъ, но не безъ дѣйствительной подкладки. Этотъ мнѣя подтверждается другимъ весьма важнымъ аргументомъ, находящимся въ житіи Кирилла и Меѳодія, которые, будучи въ Херсонесѣ у Хозаровъ, нашли тамъ русскую Псалтирь и Евангеліе. Это мѣсто весьма важно. Мы зна-

емъ, что слово русскій есть генерическое названіе Славянъ. Отчего же съ этимъ мѣстомъ и не помириться, признавъ, что у Славянъ, жившихъ въ Херсонесѣ, была своя письменность? Что византійцы подавили её, задерживали эту своеобразную письменность, тоже вѣроятно; ибо изъ-за иконоборства высматривали у греческихъ императоровъ и другія стремленія, характера уже чисто политическаго. Стремясь къ централизаци, къ ограниченію всего, если такъ можно выразиться, Византійскіе императоры старались все сглаживать, уничтожать все, что только носило на себѣ печать національности, самобытности. Очень можетъ быть, что и только что начавшаяся въ Черноморьѣ развиваться славянская письменность, подвергалась тогда преслѣдованіямъ. Между тѣмъ потребность письменности въ этомъ краѣ сознавалась все больше и больше и подавить ее было не такъ уже легко, какъ бы хотѣлось. Мы знаемъ, что въ X в. жители Херсонеса до такой уже степени чувствовали себя знакомыми съ грамотнымъ дѣломъ, что просили себѣ поставить двухъ епископовъ изъ туземныхъ Славянъ.

Что же это за письменность, оригинальность которой въ нашемъ краѣ мы отстаиваемъ? Та ли эта письменность, изобрѣтателемъ которой привыкли мы считать св. Кирилла? Едва ли! Факты говорятъ, что и до Кирилла письменность была и по всей вѣроятности похожая на глаголитскую, которой Кириллъ былъ только „обрѣтникомъ“, а не изобрѣтателемъ, какъ можно читать въ первыхъ же строкахъ службы Кириллу и Меѳодію. Древность глаголиты, большую античность словъ ея доказывалъ еще Копитаръ, но мы только попытаемся выяснитъ потребность и возникновеніе этой письменности (похожей на глагольскую) въ нашемъ краѣ. Именно, начертаніе этого затѣйливаго алфавита не обязано своимъ подражаніемъ ни латинской, ни греческой азбукѣ, а вѣроятно арабской, занесенной къ намъ притокомъ исламизма. Здѣсь-то и зародилась та письменность, которой воспользовался Кириллъ при обращеніи ея на тотъ алфа-

вить, на которомъ переводили и писали богослужебныя книги. Итакъ глаголита старѣе кириллицы и по своему начертанію гораздо ближе къ той письменности, которая по крайней мѣрѣ въ VII в. уже существовала на берегахъ Чернаго моря, и о существованіи которой мы можемъ утверждать, хотя и не имѣемъ отъ нея ни одного цѣльнаго памятника.

Въ 1865 г. доказательства только что сказаннаго приведены въ порядокъ. Вотъ они: 1) сходство глаголиты съ знаками на геммахъ, 2) глаголита встрѣчается въ кирилловскихъ рукописяхъ, въ особенности въ заглавныхъ буквахъ рукописей Новгородскихъ и вообще сѣверныхъ, 3) второй договоръ русскихъ съ греками писанъ глаголитой, по Срезневскому. Гриммъ думаетъ, что глаголита воспользовалась восточнымъ алфавитомъ, а мы добавляемъ, что это заимствованіе сдѣлано было не позже VII в. русскими Славянами, жившими на берегу Чернаго моря, независимо отъ греческаго и латинскаго алфавита.

Оставляя вопросъ о возникновеніи славянской письменности, болѣе или менѣе нами рѣшенный, перейдемъ къ болѣе важному вопросу о томъ, что выразилось у насъ этою письменностью?

О томъ, что было содержаніемъ, по всей вѣроятности, существовавшей у Славянъ письменности въ VII и VIII вв., мы мало знаемъ. За то тотчасъ, съ нашимъ знакомствомъ въ IX в. съ христіанскою культурой, явилась у насъ литература, хотя и односторонняя, больше богословская, вообще религіознаго колорита. Соперничество Кирилла и Меѳодія съ западною церковью, и не только съ церковью, но и вообще съ западомъ — послужило первоначальнымъ зародышемъ славянской литературы.

О жизни Кирилла и Меѳодія болѣе или менѣе извѣстно. Извѣстно, что это были люди, по тому времени, весьма образованные. Родина ихъ Солунь. Ихъ развитіе и те-

куція обстоятельства сдѣлали изъ этихъ мужей миссіонеромъ, такъ сказать, по профессіи. Мы знаемъ, что съ миссіонерскою цѣлію они были въ Малой Азій, Херсонесѣ, на Кавказѣ (среди Славянъ, Угровъ, Руссовъ и Хозаръ), въ Болгаріи и въ 862 г. въ Моравіи. Родились они около 809 — 15 г., когда въ Константинополь былъ въ самомъ разгарѣ споръ объ иконопочитаніи. Рано оба брата предпочли свѣтской карьерѣ жизнь отшельническую, аскетико-монашескую. Кириллъ ушелъ на Узкое море (Босфоръ), а Меѳодій на Олимпъ. Какая ихъ національность — точно отвѣтить нельзя. На это можно собрать только нѣсколько и то общихъ свѣдѣній; отецъ ихъ, говорятъ, былъ болгаринъ, а мать гречанка; въ легендахъ они слывятся за болгаръ, но древнѣйшія легенды считаютъ ихъ греками. Какъ бы то ни было, но достовѣрно то, что въ Солунѣ, мѣстѣ ихъ родины — национальность греческая и славянская если не сливались, то уже и не различались рѣзко. Съ раннихъ лѣтъ они увлекались филологіей, которую за тѣмъ и не разъ весьма блистательно прилагали къ дѣлу. Они знакомы были съ восточными языками и при дворѣ толковали надписи на восточныхъ языкахъ. По желанію хозарскаго Кагана они спорили съ евреями (Карайми), что конечно требовало отчетливаго знанія языковъ и хозарскаго, и еврейскаго. Что они были глубокіе филологи, за это можетъ наконецъ ручаться то обстоятельство, что они выбрали языкъ славянамъ, давши имъ самыя нужныя книги, для славяно-православнаго богослуженія. Въ этомъ заключается незабвенная заслуга апостоловъ Кирилла и Меѳодія для славянскаго міра. Но мы мелко цѣнили бы эту заслугу, если бы смотрѣли на нее такъ вышине. вмѣстѣ съ Св. Писаніемъ, богослужебными книгами они внесли въ жизнь Славянъ нѣчто большее: они стремились объединить славянъ не единствомъ только доступнаго всемъ славянскимъ народамъ богослуженія, но и политически. Можно положительно сказать, что Кириллъ и Меѳодій были первыми панславистами.

ми. Введеніемъ между славянами роднаго богослуженія они воспользовались не болѣе какъ только средствомъ весьма разумнымъ, современнымъ къ проведенію въ дѣло своихъ задушевныхъ панславянскихъ убѣжденій. На сторонѣ нашего мнѣнія много доказательствъ, хотя всѣ они отрицательнаго характера. Если бы подѣ изобрѣтеніемъ письменности и введеніемъ между нашими предками славянской богослужебной литературы не крылось ничего, кромѣ простаго желанія просвѣтить ихъ христіанствомъ, то спрашивается, почему это простое и гуманное желаніе Кирилла и Меѳодія подвергалось со стороны папства и нѣмцевъ такимъ рьянымъ преслѣдованіямъ? Почему папа Іоаннъ на первыхъ же порахъ ограничиваетъ употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи только чтеніемъ Апостола и Евангелія, а папа Стефанъ подвергаетъ даже Меѳодія анаѳемѣ (что недавно узнано изъ его буллы)? А нѣмецкій архіепископъ Арнульфъ? Съ какою цѣлью онъ такъ зорко слѣдилъ за успѣхами религіозной пропаганды Меѳодія и всѣми силами старался затормозить успѣхъ ея? Неужели здѣсь не проявилось ничего, кромѣ тупаго безотчетнаго фанатизма? быть не можетъ!

Великоморавская епископія съ архіепископомъ Меѳодіемъ во главѣ, школа, основанная имъ при своей епископіи, куда собирались ученики изъ всѣхъ славянскихъ народовъ—діоцезій, подчиненныхъ Меѳодіевой архіепископіи, имѣющей завязаться въ этомъ центрѣ узелъ панславянскихъ стремленій и т. д.—вотъ что было для тогдашняго папства и запада опасеніемъ, вотъ что побуждало ихъ всѣми силами души сражаться съ этимъ чудовищемъ, котораго, какъ показала опытъ, не подавили въ славянской народности папы и нѣмцы и доселѣ. Какъ бы то впрочемъ ни было, но несомнѣнно то, что Кирилла и Меѳодія должны были выстрадать борьбу и борьбу крѣпкую, нѣсколько и на время облегченную умѣренной терпимостію папы Адриана (родомъ грека). Но честные передовые труженники

панславянскаго пробужденія сдѣлались жертвою невыносимаго кризиса борьбы съ непосильной для нихъ оппозиціей. Въ 869 году умеръ Кирилла, а между 884—886 умеръ и Меѳодій. Но не умерло вмѣстѣ съ ними брошенное сѣмя. Слав. школа выпустила изъ среды себя мужей, словомъ и дѣломъ продолжавшихъ труды учителей своихъ. Въ этомъ-то и состоитъ вся суть ихъ дѣятельности и въ особенности 24-лѣтней дѣятельности Меѳодія въ Моравіи.

Послѣдуемъ за судьбою и дѣятельностью учениковъ Кирилла и Меѳодія. Цѣлью дѣятельности ихъ было—расширить краткій обиходъ богослуженія IX в., состоящій на первыхъ порахъ изъ тріоди и чтеній апостольскихъ и евангельскихъ. Но эту добрую цѣль западъ началъ преслѣдовать очень рано. Еще при жизни Меѳодія Арнульфъ (побочный сынъ Карла) вызвалъ противъ Моравіи Мадыаръ (см. легенду о святомъ Климентѣ), ученики бѣжали изъ Моравіи чрезъ Дунай и Саву въ Бѣлградъ, въ Болгарію, гдѣ были приняты очень ласково царемъ Борисомъ и приглашены въ Охридъ, сдѣлавшуюся съ этого времени центромъ славянскаго просвѣщенія. Легенда упоминаетъ о пяти ученикахъ Кирилло-Меѳодіевской школы: Климентъ (Болгаринъ, а мы думаемъ—русскомъ), Гораздъ (Моравининъ), Ангеларъ, Саввъ и Наумъ (мощи послѣдняго въ монастырѣ въ Охридѣ.)

Климентъ основалъ Болгарское архіепископство, по его же мысли введено у Болгаръ славянское богослуженіе и основана школа (200 уч.), благодаря которой съ 890—946 болгарская письменность разрослась до удивительныхъ размѣровъ. Особенно много потрудились въ дѣлѣ болгарской письменности ученики Климента: епископъ Константинъ, Іоаннъ экзархъ Болгарскій и др. По замыслу Климента Болгарскаго школа задала себѣ широкую задачу уравнивать славянскую литературу съ греческой и латинской. Взавшись за такое дѣло, ученики Климента и самъ онъ показали удивительную способность—

пользоваться въ готовыхъ литературахъ для славянской тѣмъ именно, чего на первыхъ порахъ требовало время, потребность и вкусъ. Они постарались познакомить славянство со всеми отраслями науки и искусства. Самъ Климентъ перевелъ Трїодъ (рук. XI и XII в.), содержаніе которой не ограничивалось только греческими пѣснями церковными, а въ нее вошли пѣсни, которыя пѣлись христіанами славянами еще въ IX в. и которыя Климентъ редактировалъ. Ему же приписываютъ и переводъ Минеи. Клименту же приписывается попытка перевести проповѣди Василія Великаго (большою частью Слова о постѣ), Іоанна Златоуста, хотя и нечюго, напр. Слова о священствѣ; другихъ слѣдовъ знакомства на первыхъ порахъ съ Златоустомъ не находимъ), Кирилла Іерусалимскаго (который защищалъ христіанство отъ гностиковъ и аріанства), какъ мужей болѣе всего выяснявшихъ догматику и очистившихъ еѣ отъ вторженія ересей и гностицизма. И этотъ выборъ какъ нельзя лучше удовлетворялъ времени, уже носившему въ себѣ, въ Болгаріи, зачатки гностицизма (богомилства). Переведенъ былъ у насъ епископомъ Константиномъ даже Аѳанасій Александрійскій, не смотря на его аристотелевскую диалектику и здоровую логику (качества его сочиненій, вызваннаго полемикой съ еретиками). Тѣмъ интереснѣе попытки Константина передать на грубомъ, еще неразвитомъ языкѣ отвлеченную терминологию и передать по мѣстамъ весьма удачно (іау прежде вѣкъ, не токмо сынъ, но и бѣи = аор. бѣ+и). И такъ часть богословской литературы уже въ X в. у насъ была усвоена.

Изъ перевода житій Св. Отцовъ, современниковъ и близкихъ по времени къ апостоламъ, Славяне X в. познакомились непосредственно съ устройствомъ церкви и приложили ихъ къ дѣлу.

Но кромѣ переводовъ богословскаго и каноническаго характера въ X в. были усвоены Славянами и нѣкоторыя историческія сочиненія. Къ сожалѣнію, Славяне познакоми-

лись съ греческими историческими трудами въ то время, когда они были лишены научнаго характера и были переполнены натяжками—все объяснять съ релігіозной точки зрѣнія. Какъ бы то ни было, въ X уже вѣкѣ нѣкто священникъ Григорій перевелъ съ греческаго большую лѣтопись Іоанна Малалы, жившаго въ VI или VIII в. Лѣтопись доведена до Юстиніана. Но замѣчательно, что въ Григорьевскомъ переводѣ оказалось не все изъ Малалы, встрѣчаются по мѣстамъ въ ней и чисто славянскія вставки. Эта рукопись еще вся не издана. Лучшая изъ этихъ рукописей (Палея) найдена въ государственномъ архивѣ, писанная въ XIV вѣкѣ (издана княземъ Оболенскимъ). Ундольскій, а потомъ Строевъ открыли, что въ X в. у насъ былъ переведенъ также и Георгій Амартолъ, жившій въ IX в. и борвшійся съ иконоборствомъ. Хроника его также богословскаго направленія и читается скучно, тѣмъ не менѣе у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ она долго была настольною, популярною книгою подъ разными названіями: риторика Георгіевой, Криницы (у старообрядцевъ, и т. п.). Въ XVII в. сами Греки у насъ компилировали эту хронику.

Итакъ въ X в. у насъ была уже исторія, хотя и не оригинальная. Впрочемъ въ X же вѣкѣ мы встрѣчаемъ попытки, если не къ совершенной оригинальности, то по крайней мѣрѣ къ подражанію. Извѣстно, что между Болгаріей и Греціей, по смерти Симеона, при сынѣ его Петрѣ, зятѣ императора Романа Логоета, сношенія усилились. Съ этого времени являются у Славянъ сборники энциклопедическаго, богословско-словеснаго направленія. Тоже продолжается и при Константиѣ Багрянородномъ. У насъ сохранились два такихъ сборника, писанные для князя Святослава 1073 и 1076 г. (переводъ съ изборника Симеона царя Болгарскаго). Первый изъ этихъ сборниковъ заключаетъ въ себѣ статьи богословскаго, философскаго, риторическаго содержанія, а второй аскетическаго (о постѣ, молитвѣ и т. п.). Храбръ, Климентъ и Іоаннъ Экзархъ

пытаются писать о славянской письменности.

Въ X же вѣкѣ должна была возникнуть у Болгаръ и полемико-богословская литература, такъ какъ и въ то уже время появляется среди ихъ не совсѣмъ христіанское направленіе. Уже пресвитеръ Косма жалуется, что при царѣ Петрѣ были богомилы, вѣроятно, отрасль манихеизма изъ Фракіи. Этотъ богомилizmъ подрывалъ правильное направленіе христіанства, что мы, впрочемъ, охотно бы извинили, если бы это антихристіанское направленіе выросло на почвѣ славянской, а не заимствовано съ Востока, изъ Арменіи. Богомилы давали свой толкъ писанію, лишали его историческаго значенія, внесли свой взглядъ на апокрифическія и не апокрифическія книги, посланія и т. д. Этотъ несвоевременный критицизмъ тормозилъ правильное развитіе христіанства, повелъ къ дуализму, къ увеличенію обрядовой стороны религіи, къ ложноаскетической жизни и т. д. Расплодился у насъ до невѣроятнаго количества апокрифы, вѣроятно порожденіе этой эпохи. Большею частію они взяты съ греческаго, напр. хожденіе Ап. Фомы въ Индію (знакомство съ буддизмомъ), апокрифъ — объ Іоаннѣ Богословѣ (знакомство съ гностицизмомъ). Впрочемъ есть и наши — напр. хожденіе Богородицы по мукамъ. И такъ вѣстѣ съ положительною стороною христіанства, мы усвоили себѣ и плевелы, аканоническое ученіе. Причину этого явленія вѣрно указала Шафарикъ, приписывая еѣ той судорожной поспѣшности, съ какой бросились мы на все, лишь бы только сравняться въ литературѣ съ греками. Ученіе апокрифическое разными частями своими вошло, благодаря простотѣ и наивности нашего духовенства, въ наши требники, молитвенники, служебники и т. п.

Теперь на очереди вопросъ: точно ли Славяне понимали то, что переводили; познакомились ли они съ переводами изъ внутренней потребности, или по принужденію? Отвѣчать на этотъ вопросъ могутъ только специалисты, послѣ долгаго и глубокаго анализа древнеславянской пись-

менности проникшіеся ея характеромъ. Всѣ они въ одинъ голосъ утверждаютъ, что возникновеніе славянской литературы обязано насущной потребности, — потребности, доказавшей, что все, ею усвоенное, дышитъ самобытностію, разумнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Такъ Шевыревъ не можетъ достаточно надивиться тому глубокому проникновенію славянъ христіанскимъ содержаніемъ, какое, по его мнѣнію, въ особенности проявилось въ нашей Троицѣ, которую по справедливости считаетъ онъ плодомъ глубокихъ филологическихъ штудій. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ ученыхъ, какъ напр. Шафарикъ, Добровскій, Копитаръ отдають такую же дань удивленія и вѣщней формѣ слав. письменности, тѣмъ величественнымъ картинамъ, которыя, подобно перламъ, рассыпаны по страницамъ ея. Это подало даже нѣкоторымъ мысль собрать всѣ красоты славянскихъ памятниковъ и издать нѣчто въ родѣ идеальнаго сборника до XII в.

Итакъ въ IX и X в. среди болгаръ возникла славянская письменность. Но точно ли называть славянскую письменность древне-болгарскою? Не совсѣмъ. Правильнѣе называть ее вообще славянскою, ибо при созданіи ея, правда, на болгарской почвѣ, участвовали всѣ славянскіе братья, ученики панславистовъ (хотя въ зародышѣ) — Кирилла и Меодія. Болгарія была только пріютомъ славянскаго просвѣщенія, какъ послѣ сдѣлалась этимъ пріютомъ Сербія и потомъ Россія. Коллективною болгарскою школою и объясняется, между прочимъ, разнообразіе редакцій.

Съ политическимъ паденіемъ Болгаріи книжное дѣло перешло въ Сербію. Впрочемъ, мы имѣемъ здѣсь ученыхъ дѣятелей и раньше. Таковъ Савва (1010—1041), сынъ великаго жупана Нѣмани. По внушенію русскихъ монаховъ, онъ поступилъ въ одинъ изъ русскихъ монастырей, а потомъ самъ основалъ монастырь Хиландарскій. Сочиненіе его: „Жизнь отца“ разобрано Шафарикомъ. Братъ его, первый король Сербскій — Стефанъ, также занимался письменностію, онъ писалъ исторію (панегирикъ), онъ же на-

писалъ житіе Саввы. въ которомъ, впрочемъ, пишеть больше похвалы, чѣмъ излагаетъ факты. Въ такомъ же панегирическомъ направленіи писали и ученики его: архіепископъ Сергій, Діонисій (Родословъ) и др. Въ этомъ направленіи писали и дальнѣйшіе Сербы, такъ что дошли до страсти расточать похвалы, гдѣ не слѣдовало.

За то у Сербовъ систематически развилось церковное право. Впрочемъ, ихъ номоканонъ чуть-ли не списанъ съ русскаго. У Сербовъ возникла первая мысль о независимомъ патриархатѣ. Они-то и Болгары и были на первыхъ порахъ регуляторами славянской литературы. Заботились ли они, или нѣтъ, о соблюденіи единой формы церковно-славянской письменности, на это отвѣчаетъ разнообразіе редакцій.

Это общій взглядъ на церковно-славянскую литературу. Теперь остановимся надъ частными отпрысками.

Обозрѣніе Славянскихъ памятниковъ до XIV в. съ вымѣтками представилъ намъ Срезневскій. Изъ нихъ достойна особаго вниманія Трїодъ (рукопись Григоровича) Софронія (620—40 г.). Она очень поэтична и переведена на Славянскій языкъ очень удачно. Такой переводъ показываетъ, что нашъ языкъ былъ богатъ лексически и достигъ значительной степени синтаксическаго развитія.

Кромѣ переводовъ священныхъ, богослужебныхъ, догматическихъ и вообще церковныхъ книгъ, у насъ много есть еще апокрифовъ. Они обращали на себя вниманіе потому, что были смѣсью христіанскихъ и гностическихъ понятій. Между ними мы имѣемъ одну тему, которая занимала и Данта. Это хожденіе Богородицы по мукамъ. Содержаніе ея такое: Богородица ходитъ по аду и видитъ темноту; Архангелъ снимаетъ эту темноту, и она видитъ грѣшниковъ; Богородица говоритъ, что она вознесется на небо, умолитъ за нихъ Христа. На мольбу ея Христосъ говоритъ, что грѣшники имѣютъ возможность имѣть покой отъ Великаго Четверга до всѣхъ Святыхъ.

Эта литература достойна изученія. Если бы удался планъ петербургскихъ ученыхъ выбрать лучшія мѣста изъ греческихъ подлинниковъ и подобрать къ нимъ лучшіе переводы славянскіе, снабдить это глоссаріями, — такой трудъ имѣлъ бы европейское значеніе. Но и въ переводахъ есть мѣста оригинальныя. Таковы 1) у Ивана Болгарскаго въ Шестодневѣ тѣ, гдѣ онъ хочетъ яснѣе представить величіе Божіе, гдѣ онъ хочетъ представить красоту и величіе обители Божіей, — онъ сравниваетъ ее съ великолѣпнымъ храмомъ или палатами: когда вводится простой человекъ, онъ ничего не можетъ сказать, а только дивится. 2) Предисловіе Константина Пресвитера при Изборникѣ изъ поученій Златоуста писано какъ будто стихами. 3) Слово Златоуста о ястребѣхъ, пѣхъ и конехъ имѣетъ сатирическій элементъ.

Происхожденіе богомилства. Первоначальная Болгарская литература помрачена была богомилствомъ. Онъ явился слѣдующимъ образомъ. Константинъ Копронимъ переселился изъ Арменіи къ Филиппополю гностиковъ. У Грековъ уже Фотій писалъ посланія противъ гностиковъ; у Болгаръ же есть сочиненія противъ нихъ Космы Пресвитера.

Стало быть съ правымъ ученіемъ было въ Болгаріи на первыхъ порахъ и ложное. Оно состояло въ ложномъ толкованіи Св. Писанія и въ вѣрованіи въ два начала — доброе и злое. Около XI-го в., по Гильфердингу, были даже религіозныя войны. Какъ же сами Славяне понимали богомилское ученіе? Въ одной рукописи, заключающей правила церковныя, говорится о томъ, какъ православный христіанинъ долженъ вести себя: „сотвори крестъ, поклонись кресту, ибо блюдутъ слуги діавола богомилы, отвращающіе христіанъ отъ вѣры Божіей.“ Значитъ они считали богомилство ложнымъ ученіемъ. Потомъ говорится: „горько ученіе ихъ: мяса не ясти, вина не пити, жени не имати и креста не цѣловати; но Христосъ сказалъ только, чтобы не красть, блуда не творить.“ (Недавно вышло

сочиненіе въ Загребѣ о патаренахъ т. е. богомилахъ въ Босніи и Далмаціи, тамъ оно не такъ рѣзко выразилось, какъ на Востокѣ, — о Бабуны у Душана).

Славянская литература до конца XIV в. продолжалась и состояла въ повтореніяхъ, — она бывала иногда съ переименованіемъ и порчей. Вскорѣ послѣ этого началось типографическое искусство. Сначала типографіи перепечатывали рукописи безъ всякихъ поправокъ. Первые попытки печатать славянскія рукописи принадлежатъ Черногорию. Черноевичъ выписалъ изъ Венеціи художниковъ и напечаталъ Октоихъ глагольскими буквами — въ 1480 г., значить за сто лѣтъ до Острожской Библии. Но вскорѣ русскіе Галичане основали свою типографію въ Краковѣ; Швайпольтомъ Фѣлемъ въ 1491 г. напечатанъ былъ Часословъ.

Цетинскія книги — сербской рецензиі, Краковскія — русской — синкретической, съ юсами. Если только книгопечатаніе началось тогда, то мы только на сорокъ лѣтъ опоздали отъ Европейцевъ. Черноевичъ основалъ потомъ типографію въ Венеціи въ 1520 г., которая печатала до конца XVI в. по рукописямъ Сербскимъ. Въ 1525 г. печаталъ въ Россіи Скорина. Послѣ того книгопечатаніе началось въ Сербіи, за тѣмъ въ Търговищѣ (Валахіи) и Трансильваніи, въ Бѣлградѣ по болгарской рецензиі, затѣмъ перешло въ Кіевъ, Москву и Острогъ. Первые печатныя книги принадлежатъ исторіи Русской литературы (Виленскій Апостолъ 1525 г. цѣнилъ въ 150 р.). Важность этихъ книгъ состоитъ въ томъ, что они повторяютъ рукописи. Замѣчательно, что тогда передавали всѣ нужные и ненужные значки. Въ числѣ всѣхъ славянскихъ книгъ лучшія — венеціанскія.

Итакъ старая славянская литература стоитъ болѣе живаго отношенія къ ней. Если она болѣе богослужбная и подражательная, все-таки она имѣетъ оживленное выраженіе. Да и среди переводовъ есть много славянскихъ вставокъ. До конца XIV в. мы слѣдили движеніе ея вне-

редъ. Съ XIV в. она перерабатывается. Съ начала печатанія книгъ она переходитъ въ область Богословія.

Теперь будемъ говорить о живыхъ литературахъ и сначала Болгарской.

III.

Болгарская литература.

Здѣсь первый вопросъ: когда началась она? Если языкъ славянскій первоначально былъ Болгарскій, то все-таки ничего неизвѣстно о его началѣ и первыхъ попыткахъ писать на немъ. Упадокъ болгарскаго языка начинается съ паденіемъ первой болгарской династіи Поэтому нужно обозначить, что произошло здѣсь изъ живаго языка къ старому; въ XI в. еще новаго ничего не было. Съ 1186 г. начинается возрожденіе въ Болгаріи съ Асѣней. До конца XIV в. Болгарія все-таки заявляетъ о своемъ существованіи. Положеніе ея впрочемъ было жалкое, — оно выражалось въ подражаніи византійскимъ порядкамъ. Присутствіе латинской имперіи увлекало Болгарію или въ соперничество, или въ обороненіе себя. Вскорѣ Болгарія должна была сдѣлаться. Были кромѣ того и внутреннія причины, мѣшавшія развитію ея. Въ 1214 г. 2-й Асѣнь соединился съ западомъ и вошелъ въ сношенія съ Иннокентіемъ IV. Правда, это скоро было забыто, и снова началось самостоятельное движеніе; но литература подвергалась вліянію тогдашняго разгрома. Начинаются нападенія татаръ и перемѣна династій. Спокойствіе при Александрѣ было гарантіею для литературы; но столкновенія съ турками окончательно порѣшили дѣло. Здѣсь начало паденія болгарскаго литературнаго языка и вліянія на него живаго. Это видно изъ замѣтокъ на рукописяхъ. Такія замѣтки нашелъ Шафарикъ. Самые яркіе слѣды народнаго языка замѣчаются въ монастырскихъ грамотахъ XIV в. Въ нихъ видно подражаніе старому языку, но вмѣстѣ упадокъ склоненій и спряженій и отступленіе отъ славянскаго

типа. Съ конца XIV столѣтія стали появляться поученія и сборники. Они составляютъ достояніе болгарской литературы до 1750 г. Итакъ весь этотъ огромный періодъ времени прошелъ въ писаніи краткихъ поученій, которыя были переводомъ популярныхъ греческихъ писателей. Таковъ переводъ поученій іеродіакона Дамаскина XV в.

За тѣмъ до XVII в. идутъ апокрифическія сказанія, которыя не даромъ слыли у насъ подъ названіемъ болгарскихъ сказокъ. Рукописныхъ собраній ихъ найдено теперь нѣсколько. Одна изъ рукописей была у Копитара; (были и у Григоровича, но онъ передалъ ихъ Тихонравову, который и издалъ прежде мало извѣстные апокрифы о сотвореніи міра, о мученіи Ипатія и др.).

По сборникамъ и апокрифическимъ сказаніямъ интересно бы изслѣдовать состояніе языка до XVII столѣтія и далѣе. Съ турецкимъ завоеваніемъ всякая умственная жизнь въ Болгаріи засыхала и чуть совѣмъ не заглохла подъ двойнымъ гнетомъ: турецкая власть давила ее своимъ произволомъ, Греки своей духовной администраціею. Изъ сборниковъ мы видимъ, что Болгары въ эту тяжелую эпоху почти забыли свои историческія преданія; если гдѣ и встрѣчаются воспоминанія о нихъ, то очень слабы. Только съ половины XVIII ст. начинается возрожденіе Болгарской литературы, и притомъ литературы живой и народной. Низкая доля Болгаріи, забвеніе ея своей исторіи, невольное небреженіе о духовныхъ интересахъ, погруженіе въ тьму суевѣрій и т. п. трогало души болгарскихъ патриотовъ и даровитѣйшихъ изъ нихъ заставляло возвышать свой голосъ въ защиту беззащитнаго народа и въ пользу пробужденія между ними, если не научнаго интереса, то по крайности историческаго сознанія.

Три знаменитыя личности этой эпохи особенно потрудились въ дѣлѣ возрожденія Болгарской литературы, это —

1. Иосифъ Брадатый, тотъ самый обличитель болгарской тьмы и невѣжества (суевѣрій), сборникъ котораго

явился въ 1750 г. Къ сожалѣнію біографія его совершенно неизвѣстна.

2. Другой, болѣе самостоятельный дѣятель, и болѣе извѣстный намъ по своей жизни, Паисій, проигуменъ Хиландарскаго монастыря. Хотя его книжка „Цароставникъ Болгарскій не выдерживаетъ критики, но важно уже, что она свидѣтельствуетъ о пробужденіи Болгарь, даетъ имъ толчекъ своего политическаго и интеллектуальнаго положенія. Важно и то въ этой книжкѣ, что въ ней есть указанія на иностранныя источники, которыми пользовался авторъ въ своей исторіи о Болгарскомъ царствѣ: онъ пользовался трудами Баронія, Мавро-Орбини, Теофана, Дмитрія Ростовскаго, Зонары и т. д. „Все это, говоритъ Паисій, собралъ я для тебя, любомудрый читатель“. Въ другомъ мѣстѣ, а именно, въ припискѣ къ труду своему онъ ясно указалъ на дѣль его: писалъ, побужденный любовію къ Болгарамъ, забывшимъ свою славную старину, исторію. Тутъ же говоритъ онъ, что Болгары своею первою жизнію имѣютъ преимущество предъ Сербами и Русскими, перечисляетъ имена Болгарь, посветившихъ свою жизнь на пользу славянскаго просвѣщенія и т. д.

3. Но едва ли кто нибудь столько могъ сдѣлать для Болгарь того времени, на пользу ихъ народно-литературнаго пробужденія, сколько сдѣлалъ для нихъ — 3-й, Софроній Врачанскій. Появленіе такой замѣчательной личности между Болгарами можетъ быть объяснено, впрочемъ, тѣмъ всеобщимъ необыкновеннымъ направленіемъ умовъ, которое выдвинуло въ XVIII в. у каждого изъ славянскихъ народовъ замѣчательныхъ дѣятелей: у Русскихъ — Ломоносова, у Чеховъ — Ганку, у Сербовъ — Обрадовича, у Поляковъ Конарскаго. (Мемуары Софронія Григоровича предполагаютъ издать съ комментаріями). Не только по литературной дѣятельности, но и вообще по жизни личность Софронія, весьма замѣчательна, такъ что въ послѣднемъ отношеніи его вполне можно поставить рядомъ

съ Досифеемъ Обрадовичемъ. Родился онъ между 1740 — 45 г. отъ потомковъ знатной фамиліи, имѣвшей народное значеніе. Отецъ его занимался торговлей, скупалъ и продавалъ овецъ. До 1806 года Софроній самъ передалъ свою жизнь народнымъ языкомъ. Рано лишившись родителей, онъ поселился въ Константинополь у дяди, которому однакожь скоро не понравился. Скоро, лишившись имѣнія, онъ ушелъ отъ дяди, начавъ съ усердіемъ читать въ церкви на клиросѣ и въ непродолжительное время выучился языкамъ — славянскому и греческому. Это весьма важное въ его жизни время послужило подготовленіемъ для дальнѣйшихъ литературныхъ его подвиговъ. Оставивъ Константинополь, онъ воротился на родину и опредѣлился въ писцы. Когда, по случаю войны, Турки пришли въ его городъ Врачу, и такъ какъ на немъ лежала обязанность квартирмейстера, то за какія-то неудобства квартир Турки поссорились съ нимъ. Затѣмъ однимъ туркомъ Софроній втянутъ былъ въ торговлю овцами и обманутъ, — Софроній впасть въ долги. Чтобы какъ нибудь поправить свои финансовыя обстоятельства, Софроній рѣшился посвятиться въ священники въ Добруджѣ, откуда перевели его на приходъ въблизи Варны. Здѣсь онъ ратовалъ противъ Турокъ, населявшихъ этотъ край, и въ особенности противъ наслованія ими дѣвиць. Коснувшись въ одной изъ обличительныхъ проповѣдей самого султана Добруджскаго (потомка крымскихъ хановъ Гиреевъ), онъ вооружилъ противъ себя послѣдняго. Султанъ взбунтовалъ противъ него народъ, отъ ярости котораго Софроній долженъ былъ бѣжать. Татары гнались за нимъ, стрѣляли, поймали и повѣсили, но какимъ-то чудомъ онъ спасся и убѣжалъ въ Търново. Здѣсь его приняли съ радостію и сдѣлали чтецомъ, а потомъ безъ его вѣдома и къ его изумленію посвятили въ епископы въ Врачу. Вскорѣ онъ узналъ, и причины, побудившія търновцевъ дать ему эту каеэдру. Дѣло въ томъ, что его предшественникъ надѣлалъ много долговъ, которые Со-

фроній долженъ былъ заплатить, на что онъ, по славянскому добродушію, согласился. Въ первое время дѣла Софронія шли хорошо: паства его полюбила, а текущіе доходы давали ему возможность расчитываться съ Турками. Но голодъ и между 1785—6 г. текуція смуты (борьба съ янычарами) поставили Софронія въ тяжелое положеніе: Врача была осаждена, требовали откупа, а денегъ не было. Оставалось итти и просить Турокъ о пощадѣ, что Софроній и сдѣлалъ. Къ удивленію, Турки приняли его благосклонно и, сжалившись надъ нимъ, оставили его цѣлымъ. Тогда онъ тайкомъ оставилъ Врачу и бѣжалъ въ Валахію. Здѣсь онъ долженъ былъ, какъ наемникъ, ходить по разнымъ церквамъ, служить въ нихъ, отдавая деньги приходскому священнику. Добрые люди однакожь увезли его въ одинъ монастырь, гдѣ онъ и прожилъ до 1812—13 г. до глубокой старости. Замѣчательно, что Софроній принималъ горячее участіе и въ нашихъ войнахъ съ Турками; онъ одушевлялъ свой народъ, посылая къ нему весьма одушевленные воззванія и письма.

Къ литературнымъ трудамъ Софронія относятся: Описание походовъ его самого, весьма интересныхъ. Это сочиненіе и послѣдующія писалъ онъ уже въ Валахіи, куда, по его замѣчательному признанію, отправился онъ съ тою цѣлью, чтобы поучиться у Русскихъ. Въ Валахіи же въ 1806 перевелъ онъ Никифора Теотоки Кириакодроміонъ, перевелъ, впрочемъ, не на чисто-болгарскій, а на болѣе церковно-славянскій языкъ. Недавно это сочиненіе уже въ 4 разъ перепечатано. Здѣсь же, уже на старости лѣтъ, Софроній собралъ множество матеріаловъ для оттоманской исторіи; онъ перевелъ и сочиненіе Дмитрія Кантемира о Магометѣ. Всѣ эти сочиненія проникнуты одною мыслию — желаніемъ болгарскаго просвѣщенія и связи съ сосѣдами, братьями по происхожденію.

Съ 1806 по 1830 г. мы не встрѣчаемъ въ Болгаріи дѣятелей, равныхъ Софронію; однако и въ это время Бол-

гарія заявила себя, хотя скромными, но болѣе или менѣе замѣчательными трудами ученыхъ, преимущественно изъ Македоніи. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе два ученые: Кирилль Тетоецъ Петчловичъ (рожденный близъ Скопїи) и Даскаль. Кирилль былъ знакомъ съ Софроніемъ и написалъ книжку подъ заглавіемъ: „Огледало“ *), въ которой обличаетъ невѣжество Болгаръ и равнодушіе ихъ къ просвѣщенію. Эта книга напечатана въ Пештѣ въ 1816 г. Іоакимъ Хаджи-Даскаль (Круговецъ близъ Скопїи) написалъ книжку о мытарствахъ и напечаталъ въ Будинѣ въ 1817 г. Но этотъ періодъ времени заявилъ себя другимъ весьма важнымъ стремленіемъ, перешедшимъ и въ самое дѣло, стремленіемъ передать слово Божіе на народномъ языкѣ. Еще до 20 годовъ, подъ вліяніемъ Петербургской школы, были попытки къ подобному предпріятію, при помощи русскихъ, командированныхъ для этого въ Болгарію; но только въ 28 г. вышелъ впервые цѣльный переводъ Новаго Завѣта (Салунова 1828 г. въ Букарестѣ). Въ это же время, а именно съ 10 года возникла у Болгаръ мысль о народныхъ школахъ. Уже съ этого времени открыты были кое-гдѣ школы. Въмѣстѣ съ этимъ поднялись вопросы о книгахъ для школъ, о методѣ преподаванія. Принята была метода ланкастерская (взаимнаго обученія, которую у Чеховъ ввелъ Коменскій и которая какъ нельзя лучше пригодна была для простаго класса и у Болгаръ). Коменскій держался такого метода: послѣ азбуки передавать дѣтямъ элементарныя понятія о разныхъ наукахъ. Этой методѣ особенно сочувствовалъ и передъ смертію популяризировалъ ее болгаринъ Беронъ (изъ Котла, образованный медикъ, знавшій многіе иностранныя европейскіе языки, умеръ — въ 62 г.). Въ 1827 г., приспособительно къ методѣ ланкастерской, онъ издалъ

*) Полное заглавіе см. Причекъ «Книгопись» № 365.

свой знаменитый букварь (въ Брашовѣ) съ полезнѣйшею для простыхъ людей энциклопедіею необходимыхъ знаний. Итакъ было бы совсѣмъ несправедливо, если бы мы согласились съ ходячимъ мнѣніемъ, что въ Болгаріи до 30 г. не было никакихъ попытокъ къ литературному языку и вообще къ просвѣщенію.

Но гораздо сильнѣе и очевиднѣе выказалось стремленіе Болгаръ къ просвѣщенію съ 30 г., съ знакомствомъ ихъ съ Русскими, по поводу нашихъ войнъ съ Турціей. Съ этого времени вліяніе Русскихъ на успѣхи просвѣщенія въ Болгаріи видимо. Не говоря о генералѣ Киселевѣ, рускомъ уполномоченномъ въ Болгаріи, нельзя Болгарамъ пройти молчаніемъ знаменитаго ихъ апостола В е н е л и н а (родомъ изъ Галиціи, учился въ Львовѣ, а потомъ въ Москвѣ). Во время войны онъ отправился въ Болгарію съ цѣлью познакомиться съ историческими данными этого народа. Но въ Болгарію онъ не попалъ, а прожилъ все время своей ученой экспедиціи въ Букарестѣ, въ Валахіи, гдѣ онъ впрочемъ познакомился съ множествомъ болгарскихъ грамотъ, изъ которыхъ вполне выразимъ характеръ Болгаръ и ихъ нужды. Плодомъ этихъ занятій были сочиненія: Древніе и нынѣшніе Болгары и О возрожденіи литературы Болгарской, которыя и дали наконецъ Болгарамъ поводъ повнимательнѣе присмотрѣться къ себѣ и заняться собою.

Съ 1830 г. съ участіемъ Венелина Болгары съ большимъ сознаниемъ стали заниматься заведеніемъ школъ и изысканіемъ старой письменности. Въ сочиненіи Венелина о возрожденіи Болгарской литературы разсказывается о состояніи училищъ (по какому предмету Венелинъ сносился съ вліятельными Болгарами и Априловымъ въ Одессѣ и др.). Мыслию Венелина было учреждать какъ можно болѣе училищъ, и ихъ въ 46 г. считается до 60-ти въ Македоніи и Фракіи. Его же занимала мысль и о наставникахъ, и объ обработкѣ учебниковъ. Но эта мысль не понималась

Болгарами, какъ бы слѣдовало. Однако въ 30 же годахъ Болгары стали работать надъ учебниками. Явилось также много писателей, занимавшихся просвѣщеніемъ народа. До 54 года было у нихъ уже болѣе 200 сочиненій. Въ числѣ писателей первое мѣсто можетъ занять о. Архимандритъ Неофитъ Рыльскій. Онъ проникнутъ былъ полною любовію ко благу народному. Первоначально онъ самъ училъ и заводилъ школы, школы взаимнаго обученія. Этотъ же Неофитъ извѣстенъ еще и своими литературными трудами. Онъ самъ занялся собраніемъ матеріала для познанія своего языка. Въ 35 г. вышла первая грамматика, напечатанная имъ въ Крагуевцѣ на иждивеніе Мустаковыхъ, по Македонскому нарѣчію. За тѣмъ онъ издалъ нѣсколько службъ, житій и сталъ собирать матеріалы для лексикона и пословицы. Этотъ матеріалъ громадный, но доселѣ не изданъ. Подъ конецъ жизни онъ вызванъ былъ въ Константинополь и преподавалъ тамъ славянскій языкъ и былъ первымъ педагогическимъ писателемъ у Болгаръ. Другой Неофитъ Търновецъ, какъ калугеръ, былъ протосингеломъ у Търновскаго митрополита Иларіона. Онъ обратилъ вниманіе на энциклопедическія сочиненія, издалъ нѣсколько энциклопедическихъ книгъ и географію Болгаріи и Турціи. По смерти Иларіона онъ вызванъ былъ въ Константинополь и избранъ въ митрополиты. Но за него подставили другаго Неофита, а его сослали въ Хиландаръ и заключили. Оттуда онъ велъ замѣчательную переписку. Умеръ онъ около 50 г.

Къ числу замѣчательныхъ писателей стнесемъ еще Поповича и Крестьовича.

Крестьовичъ (изъ Котла) былъ секретаремъ Богорида, Самосскаго князя, и въ 44 г. задумалъ собирать матеріалъ для исторіи. Онъ обратилъ вниманіе на объединеніе языка. Въ это время возникла мысль издавать періодическія изданія. Съ 1842 г. она началась въ Смирнѣ и продолжалась нѣсколько лѣтъ. Издатели имѣли желаніе

дать общій народный языкъ. На нѣсколько времени изданія прекратились; но за тѣмъ періодическія газеты снова появляются и уже идутъ непрерывно. Одна издавалась въ Одессѣ воспитывавшимся въ Москвѣ болгарскимъ патриотомъ Богоровымъ, а въ Лейпцигѣ (1846 г.) онъ издалъ „Болгарскій Орелъ“; потомъ онъ издавалъ въ Константинополѣ „Цареградскій Вѣстникъ“. Кромѣ того было много и другихъ изданій съ отбѣнками политическими и религиозными. Съ 1848 г. начинается въ Болгаріи новое движеніе, вслѣдствіе пробужденія народнаго сознанія. Къ сожалѣнію изъ предводителей движенія не все были чисто-сердечны. Александръ, экзархъ Болгарскій, общалъ Россіи, подвинуть впередъ Болгарскую литературу, но ничего не сдѣлалъ. Движеніе все-таки шло впередъ, и какъ результатъ его — были основаны при училищахъ братскія общины. Къ этому присоединилось участіе и нашего правительства. Сначала оно поступало осторожно, но Болгары выразили желаніе, чтобы Россія воспитывала молодыхъ Болгаръ Московскіе воспитанники приносили въ Болгарію новыя идеи. Вслѣдствіе этого начинается броженіе. Но являются тайные враги изъ Англіи, Франціи и Австріи. Они внесли неясность въ пониманіе языка и народа, — языкъ общій не развился, и система воспитанія не приносила обильнаго плода. Въ 1858 г. школъ было тамъ 865 мужскихъ и столько же женскихъ. Съ 1848 г. литература оразнообразилась. При большомъ количествѣ сочиненій Болгары читаютъ преимущественно — изъ поэтовъ Жинзифова, изъ переводныхъ новѣстей — Райну, наконецъ въ драмѣ есть національный поэтъ Икономовъ съ комедіей (1863 г.) „Ловчинскій Владыко“. За тѣмъ къ краснорѣчию относятся рѣчи, печатанныя по поводу школьныхъ торжествъ, — эта литература идетъ у нихъ въ уровень съ другими. Но точно ли народъ читаетъ? да и для него ли все это печатается? Все это проходитъ мимо народа. Зато утѣшительно пробужденіе историческаго сознанія.

Въ 1858 г. въ Константинополь было собраніе ученыхъ, на которомъ положено — общими силами печатать историческія статьи. Основано было изданіе „Болгарскы Книжицы“. Оно скоро впрочемъ прекратилось. Двигателемъ этого предпріятія былъ Дмитрій Мутьевъ (Одесскій). Онъ сталъ писать потомъ педагогическія и правоучительныя статьи. Газеты занялись также рѣшеніямъ и вѣроисповѣднаго вопроса. Но тутъ замѣшались страсти, было болѣе полемики, чѣмъ изслѣдованій по историческимъ документамъ. „Свѣтникъ Цареградскій“ защищалъ національные интересы, „Болгарскій Вѣстникъ“ защищалъ православіе, а „Турція“ проводила отурченіе. Но при этомъ возникла мысль собирать народныя памятники; и мы теперь имѣемъ средство познакомиться съ народомъ. Эта честь принадлежитъ Раковскому (изъ Котла), который былъ агитаторомъ національной партіи. Онъ же пробудилъ мысль и о цѣлости Болгаріи. Изъ сочиненій его замѣчательно: Іоаннъ Асѣня — политическая брошюра. Въ ней онъ передалъ всѣ споры по отношенію къ патриархату. Онъ издалъ также „Показалець“ — index, реестръ для собирателей древностей. Но онъ, слышится, не все собралъ отъ народа. Показалець — это попытка изучить бытъ Болгаръ во всѣхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію у Раковского была своя мысль, и она помѣшала ему ясно смотрѣть на дѣйствительность. Онъ задался вопросомъ — соперничества съ Греками, желая доказать, что Греки имѣли болѣе туранизма, чѣмъ Болгары. Раковский старался подтвердить это фактами изъ быта Болгаръ еще невыясненнаго; онъ принадлежитъ къ народнымъ писателямъ и стоялъ въ челѣ народа.

Попытки изучать народный бытъ начались счастливо. Они начались студентами Московскаго Университета. Каравеловъ издалъ пословицы, Миладиновцы народныя пѣсни, Верковичъ издалъ народныя пѣсни — Македонскія. Если бы всѣ народныя произведенія были изучены, то возможно было бы говорить навѣрное о бытѣ Болгаръ.

Но нужно начинать изученіе сначала, съ языка и попытаться объ объединеніи языка. Что было у Болгаръ до VI в., на чемъ основывался ихъ бытъ, для этого у нихъ мало матеріаловъ. Да у нихъ нѣтъ и центра, гдѣ бы сосредоточивалась ихъ литературная дѣятельность.

Въ послѣднее время у болгаръ пробудились всесторонніе интересы, и всѣ они имѣли своихъ представителей; такихъ дѣятелей три:

1) Въ педагогическомъ отношеніи они не пойдутъ далеко и успѣшно, пока не будетъ истинныхъ труженниковъ, собирателей матеріала для общаго языка. Виноваты въ этомъ конечно меценаты, имѣющіе средство къ тому, но безучастные и не помогающіе, потому у нихъ и мало дѣятелей въ этомъ отношеніи. Одинъ только человекъ на этомъ поприщѣ заслуживаетъ вниманія — это въ Константинополь о Арх. Гавріиль (?). Онъ всего болѣе старался съ помощію нѣкоторыхъ Болгаръ обращать вниманіе на школы. Свои статьи онъ помѣщалъ въ „Свѣтъ“. Онъ высказываетъ недовольство учителями и жалуется на недостатокъ частныхъ покровителей.

2) Церковныя злоупотребленія, дѣйствительно, есть въ Болгаріи и имѣютъ свой характеръ. Архіереями у нихъ были Греки, которые собирали больше деньги, чѣмъ старались о благочиніи. Справедливо, поэтому, что Болгары возстали противъ нихъ. Но справедливо ли, что они отдали религіозные интересы для разрѣшенія ихъ въ руки Турокъ и иноземцевъ? Изъ числа дѣятелей въ этомъ вопросѣ можно указать на московскаго воспитанника Даскалова. Онъ написалъ рѣзкую статью на греческое духовенство. По ней можно, по крайней мѣрѣ, узнать, въ какомъ состояніи находится церковный вопросъ. Но ни одинъ Болгаринъ не вздумалъ изслѣдовать исторически „о правахъ Церкви“, не изслѣдовалъ ни исторіи церковной, ни административной, ни отношенія Церкви къ свѣтской власти; а не выяснивши этого, опасно бросаться въ споры. Къ сожалѣнію, церковный вопросъ перешелъ у нихъ въ

газеты, которыя съ 62 г. выходили въ родѣ Фигаро, напр. „Тѣпюнь“ (Будильникъ) юмористическаго характера и сатирико-карикатурнаго, — какъ напр. „Гайда“ (Волынка). Можеть быть это нужно было въ видѣ сильнаго возбужденія? Но все же это не кстати. Церковныя интересы выставлялись съ комическимъ остервененіемъ.

3) Политическая литература. Болгарскій народъ, хотя дѣйствительно имѣлъ когда-то самостоятельность, но теперь лучше бы подумалъ онъ о взаимности съ Сербями. Однако, политическій интересъ у нихъ такъ пробужденъ, что каждый литераторъ мечтаетъ о будущемъ царствѣ, а это вредно для нравственной самостоятельности. Объ этомъ могутъ мечтать только люди праздные. Эти возгласы пробуждаютъ шарлатанство. Есть партія, напр. стремящаяся соединить Турокъ съ Болгарами, другая желаетъ Валахо-Болгарскаго царства. Но при этомъ теряется изъ виду поднятіе челоуѣка, какъ челоуѣка. Они забываютъ насущныя интересы, школы, языкъ и др. Между множествомъ политиковъ замѣчательнъ Бурмовъ, издатель газеты Свѣтъникъ. Его статьи показываютъ нравственныя, примирительныя стремленія.

Если бы Болгары понимали задачу славянскон взаимности, то они содѣйствовали бы разрѣшенію ея. Такая взаимность должна была бы имѣть свою литературу, было бы желаніе оцѣнить, что по этому сдѣлано у другихъ славянскихъ народовъ. Здѣсь они показали, впрочемъ, утѣшительный успѣхъ. Въ самой Москвѣ Болгарскіе воспитанники задумали усвоивать болгарской литературѣ то, что есть въ другихъ. Въ 1863 г. издавался сборникъ: „Новоболгарска Сбирка“. Онъ заключалъ переводъ Слова о Полку Игоревѣ, Краледворской рукописи, Гусляра Шевченки. Виновникомъ этихъ трудовъ былъ особенно Жинзифовъ (покойный), учитель греческаго языка въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ. Всѣхъ книгъ Болгарскихъ около 250.

И-78390

45.482.

ООНУ им. И.И. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

